UNITED STATES HOLOCAUST MEMORIAL MUSEUM

ועידת התביעות
Claims Conference
Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Claims Conference Holocaust Survivor Memoir Collection

Access to the print and/or digital copies of memoirs in this collection is made possible by USHMM on behalf of, and with the support of, the Conference on Jewish Material Claims Against Germany.

The United States Holocaust Memorial Museum Library respects the copyright and intellectual property rights associated with the materials in its collection. The Library holds the rights and permissions to put this material online. If you hold an active copyright to this work and would like to have your materials removed from the web please contact the USHMM Library by phone at 202-479-9717, or by email at digital_library@ushmm.org.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Conference on Jewish Material Claims Against Germany, Inc.

https://archive.org/details/podorogamtransni01mile

Герш Мейлер

По дорогам Транснистрии

1941-1944

1983

Обширная земля между реками Днестр и Южный Буг на Украине, у самой границы с Бессарабией была во время войны под протекторатом Румынии и названа ими – Транснистрия.

Сюда румыны изгнали в 1941 году на погибель всех бессарабских и большинство буковинских евреев. Здесь, в многочисленных местечках и городе Одесса остались не успевшие эвакуироваться многие тысячи украинских евреев.

Всего в гетто и лагерях Транснистрии томились четверть миллиона евреев, из которых более двух третей погибли.

О них, дорогих моему сердцу людей, родных и дальних, об их жизни и смерти – мои воспоминания

Март 21 - 2001.

Герш Мейлер

По дорогам Транснистрии

1941–1944.

1983.

Памяти
моей преданной мужественной
матери Пейке, не павшей
духом в тяжёлые времена —
посвящается.

Когда ранним летним утром приезжаешь в Ямполь из Могилёв-Подольска, то ещё издали сквозь лёгкий прозрачный, розовато-с синевой воздух увидишь сияющую на солнце полоску широкого Днестра. Дорога поворачивает налево, затем ведёт по центральной улице — по Ленинской на небольшой мостик через речушку Мурафу, впадающую в Днестр, мимо бывшей до войны еврейской семилетней школы многолюдного шумного с утра базара и заканчивается у автобусной станции.
Здесь же начинается дорога на Вапнярку, узловую железнодорожную станцию. Автобус выезжает на ту же центральную улицу и едет по ней дальше мимо старинной городской тюрьмы, поворачивает налево и выезжает из местечка на гору. Если здесь остановиться у развилки дорог и посмотреть вниз, то глазам открывается чарующий вид — местечко утопаю-

щее в цвету и зелени, огибающий его быстро несущий свои прозрачные, пахучие воды Днестр, а далее – просторы Бессарабии – противоположный высокий берег реки, обросший правее громадным Косоуцким лесом, белые большущие скалы каменоломни, а за ними выше уходящую за горизонт петляющую тропинкой дорогу на бессарабский городок Сороки.

Дороги связывали маленькое местечко с большим Миром, с Востоком и Западом. По ним уходили Ямпольские дети в стремлении к знаниям и служению людям.

Дорогой на Валнярку в начале тридцатых годов уезжали в Эрэц Исроэл одни из очень немногих из Советского Союза – Гершл Вайнштейн - кантор и сойфер с женой Рейзл.

Через быстрый широкий Днестр евреи до революции и отдельные смельчаки после нее бежали из России в поисках счастья и свободы – в Америку, чтобы возродить свой еврейский дом, изменить судьбу своего народа в Эрэц Исроэл.

Вскоре этот путь был прочно закрыт. По Днестру проходила граница Советской России с Румынией. В войну по этому пути, через тёмные воды Днестра немцы и румыны гнали

евреев из Бессарабии и Буковины в Транснистрию, на Буг, на муки и уничтожение.

22 июня 1941 г. в воскресенье началась война Германии против Советского Союза. В первые же дни по Ямполю днём и ночью проходили отступающие части Красной Армии. На машинах и повозках, пешком, измученные и заросшие, увозя с собой много раненных. И с первых же дней войны городок был заполнен беженцами из Бессарабии. Впереди предстояла вся война, а они уже были замучены, изнурёны. Старые и молодые с множеством маленьких детей, с чемоданами в руках и мешками за плечами проходили они по горячим пыльным улицам, останавливаясь в Ямполе на ночлег, или насовсем, чтоб переждать здесь войну. Все дороги были забиты отступающей армией и беженцами. Нехватало транспорта. Всех взрослых мужчин забрали в армию, в семьях остались женщины с детьми, старики и больные и некому было позаботиться об их отъезде. Но с предчувствием беды люди убегали пешком на восток, а кое-кто и на повозках. Немногим удалось выбраться, большинство остались.

В первые дни июля военкомат собрал и увёз на восток ребят семнадцати-восемнадцати лет. Сначала их вели пешком сотни километров вглубь страны, потом использовывали на разных работах, а затем плохообученных военному делу, неопытных послали на фронт. Большинство из них пали в боях. Погибли или пропали без вести мои товарищи одноклассники: Лейбеле Гуральник — мой двоюродный брат, Яна Ройтман, Ехиел Мильман, Мотще Шаргородский, Шапса Поляков, Миша Басис, Лёва Снитман, Миша Митник, Мотще Разносчик, Йосел Кашлер, Янкель Лернер, Янкель Нисевич и другие.

Война быстро приближалась к Днестру. В начале июля среди ночи в окошко нашего дома постучал сосед:

— Надо собраться в дорогу, — сказал он, — власть уходит из городка, уже погружают архивы на подводы и вот-вот взорвут мельницу.

На скорую руку, собрав первое необходимое, мы оставляем свои дома. Люди идут небольшими группами по центральной улице, мимо милиции, старинной городской тюрьмы и поднимаются на гору по дороге на Вапнярку. Ночной теплый воздух раздирают крики встревоженных птиц, доносившиеся издалека, из темного Косоуцкого леса.

В глубокой темноте мы миновали село Русаву, заросшее сплошной дикой зеленью, а на рассвете пришли в Дзыговку, где остановились у местных евреев. В былые времена Дзыговка была большим местечком, где жило немало учённых и почтенных евреев. Теперь это село, где проживает несколько десятков еврейских семей. Село переполнено еврейскими беженцами из Бессарабии и близлежащих местечек. Тем временем полевые военкоматы забирают в армию по дорогам оставшихся мужчин. Среди многих забрали и моего отца. На рассвете он нас поцеловал и ушел, и мы остались втроём - с мамой и младшей сестрой.

Люди в тревожном ожидании. Сельскую тишину разрывают всё ближе доносившиеся звуки артиллерийской стрельбы, словно эхо грома, небо полыхает закатами. Прошло несколько дней и ранним хмурым утром прибежали запыхавшиеся последние беженцы из Ямполя. Они рассказали, что немцы и румыны ночью перешли Днестр. В это же утро мы уходим вместе с многими беженцами дальше на восток. Люди торопятся, убегают от врага, но уже было поздно. Вслед за ними на танках, машинах, мотоциклах мчится немецкая армия.

Хмурое июльское утро. По просёлочной дороге ведущей из Дзыговки на Томашполь, маленькое местечко по пути на Вапнярку, тянутся беженцы, пару десятков семей. Рядом с нами идёт бабушка Туба, лет семидесяти, но ещё довольно крепкая и подвижная, тётя Эня-Рейзя - старшая сестра отца, высокая, молчаливая, косоокая женщина, её муж Мейер, первоклассный дамский портной и их дочь Хайка; младшие их сыновья Мойше и Лейбеле, мой сверстник - на войне

Начался летний дождик; вдали показалось село, и мы все поторопились укрытся под соломенной крышей одной из крестьянской белой хаты.

Стоим тесно прижавшись к стене, со стрих крыши на нас капает дождь. Малые дети плачут, старики вздыхают. Никто не показывается в дверях хаты. Во всём чувствуется приближение немцев, и крестьяне во всём проявляют к нам отчужденное, местами враждебное отношение

Тем временем небо ещё более потемнело и дождь усилился. Женщины вынули из промокших торб спечённые без дрожжей коржи, имевшие сладкий привкус, разламали на части и поделили между своими. Люди перекусили, Дождь утихал постепенно, но было темно.

— Который час, — спросила тётя Энд-Рейзя
— Девять, — ответил я
— Утра или вечера? — переспросила она
Мы взяли свои мешочки на плечи и пошли дальше на Томашполь. Вскоре мы миновали ещё одно село. На его окраине, на зелёной лужайке стояла повозка в упряжке лошадей. Крестьянин-возчик, стоящий рядом с повозкой, окликнул беженцев и предложил за хорошую плату отвезти семью до Вапнярки. Несколько людей бросились к повозке.
Семья Йосла Лернера, где не было малых детей быстро сторговались с возчиком. Оставшиеся с завистью посмотрели вслед укатившей повозке, и потянулись дальше по дороге. Наконец, миновав сахарный завод, мы поднялись на гору и вошли в Томашполь, маленькое местечко с узкими горбатыми улочками, где разбрелись по еврейским домам. Нас принял на ночлег старик Ванетик.
В его большом доме на пригорке мы уже застали несколько семей беженцев.
Ванетик, еврей с бородой, облаченный в талес запоздавший с утренней молитвой чуть ли до полудня из-за многочисленных беженцев, гостеприимно разливал всем чай, не жалея сахара.
На ночь беженцы разместились кто где смог, кто на старой софе, кто на мешках, заполненных

закрепивым хозяином мукой и сахаром, а кто просто на полу. В доме темно и только слышны плач детей, стоны стариков и женщин, встревоженных беспокойными снами и кошмарами. С улицы доносился пронзительный гул немецких самолётов, обстреливающих дороги с последними убегающими на повозках и машинах людьми.

В следующее утро немцы вошли в Томашполь. Это было горячее утро середины июля. Наша семья вместе со многими другими беженцами возвращается домой. Со страхом люди идут в обратную дорогу, стараются быть незамеченными, но это невозможно — нам навстречу едут на мотоциклах, машинах, танках немецкие солдаты с закатанными рукавами, как на праздник.

Дорога кажется нам теперь очень длинной, но наконец, мы пришли в Дзыговку, где остановились в доме Ройфов, старых приятелей моих родителей. Хозяин дома — Ройф, — почтенный религиозный еврей, умер с десяток лет тому назад. Вдова его — пожилая Алта, как её звали осталась одна с восьмилетним внуком Мишей. Мать Миши умерла когда он был совсем маленький и ребёнок остался на попечении бабушки. Был ещё у четы Ройфов — сын. Его забрали в царскую армию до первой мировой войны. Там он внезапно умер, говорили от заворота кишок

Когда в полк приехали вызванные родители, они уже застали горку земли на его могиле.

Опрятный домик Ройфов стоит на краю села, у дороги, недалеко от церкви. Старенькая Алта с трудом передвигается, но несмотря на годы и несчастья, выпавшие на её долю, бодро хозяйничает по дому и старательно воспитывает оставшегося у неё единственного внука.

Мы сидим в Дзыговке и отовсюду доносятся плохие вести. Пришедшие следом за нами люди из Томашполя рассказали, что немцы собрали сто евреев и расстреляли. В селе Буривка, вблиз Томашполя, местные украинцы убили всех проживавших там ранние евреев, женщин, детей стариков. Среди убитых была наша знакомая с двумя маленькими детьми, которых мы встретили в доме Ванетика, где беженцы ночевали в ночь перед приходом немцев. Её фамилия была Куперман, и родом она была из Ямполя

Пришёл человек из Ямполя и рассказывал, что немцы берут на работу мужчин-евреев, и после работы их расстреливают. Расстреляли моего товарища Герша Мельгендлера, семнадцати лет и немолодого больного портного Шлойму. Не выдержал пыток немцев и покончил собой отравился зубной врач Розенберг. Пришедшие

из Ямполя также рассказывали, что двери еврейских домов раскрыты и добро разграбили. Это сделали местные и прибежавшие из соседних сёл украинцы. Мы решили выждать: в Дзыговке было спокойно, только изредка немецкие солдаты забегали в дома собирать яйца и масло.

Вскоре группа людей решила вернуться домой в Ямполь, постеречь оставшееся имущество. Большинство из них были пожилые люди и женщины с детьми. Накануне, вечером они собрались договориться о предстоящей дороге.

На небольшой площадке перед узким высоким деревянным домиком стоит группка людей и разговаривают. Над маленькой Дзыговкой раскинулось большое, как мир, ночное небо. Тишина... война прокатилась над местечком и ушла на восток. Так тихо, что, кажется, слышно мерцание высоких звезд. Моя мама стоит в стороне с бабушкой Тубой и соседкой Рухл и просит их по приходу в Ямполь посмотреть и за нашим домом.

Рухл Сирота, женщина лет сорока, высокая, худощавая с загорелым от солнца тёмным лицом и беспокойными глазами. У неё натруженные, жилистые руки. Как издавна повелось во многих еврейских семьях, где жене доставалось

самые большие трудности, Рухл была всегда впереди в семейной упряжке. Её жизнь была полна забот, тяжёлого труда и несчастий.
Жили они с мужем Лейбом и четырьмя дочками по соседству с нами, за углом, в тесном каменном домике. Боковые стены соседних домиков, примыкавших к нему, как бы ещё больше стесняли его и не давали ему ни воздуха ни света. На улицу смотрела узкая застеклённая дверь и одно единственное окошко, освещавшее кое-как переднюю комнату, где зимой было очень холодно. Во второй, без окон тёмной комнате много лет лежала больная с детства туберкулёзом лёгких девочка, старшая дочь Рухл. Девочка умерла за несколько лет до войны.
Рухл вместе с Лейбом работали последние годы продавцами в хлебном магазине и, наконец, после многих лет мытарств, могли насытся и прокормить семью. Каждый день они вставали затемно, чтобы принять горячий, испечённый ночью в пекарне хлеб. У дверей магазина с полночи стояла громадная очередь за хлебом. Зимой деревянные стены магазина были покрыты изнутри морозом, пока не согревались горячим хлебом и дыханием людей, заполнивших магазин. В летние дни нагретые солнцем стены

обжигали и люди внутри магазина задыхались.
Летом, после полудня, когда весь хлеб был уже продан, можно было часто видеть, как Лейб сидит за стойкой и жует с удовольствием мякину чёрного хлеба беззубым своим ртом.
Недолго длилось их счастье. Как-то Лейб поднял большую тяжесть в магазине и ущемил грыжу. Необходима была срочная операция, и пока привезли хирурга из Могилёв-Подольска было уже поздно. Лейб умер. Убитые горем Рухл и три дочки-сироты горько оплакивали лежащего на полу, укрытого чёрным Лейба.
Не прошло и года, не успела Рухл придти в себя, как началась война, и она осталась совсем одна. Трёх дочек она успела отправить в первые дни войны со своей сестрой на восток....
– Увижу ли я своих детей ещё когда-нибудь? – подумала она.
Нахлынувшее на неё тяжелое предчувствие она отогнала мыслью о завтрашнем дне – Надо пойти домой, посторожить то немногое добро, которое она сумела хорошо припрятать в подвале перед уходом.
Над маленькой Дзыговкой тихая-тихая ночь. Казалось, слышно как в высоком небе промелькнула и упала сгоревшая звёздочка

На рассвете в дорогу вышли люди, — старики, женщины с детьми. Они успели только войти в Ямполь и увидеть с горы свой родной городок освещённым ярким, еще невысоко поднявшимся над Днестром солнцем. У развилки их остановили румынские солдаты. Они повели обречённых стариков, женщин и детей по заросшему густой травой и колючим кустарником полю — вниз, к Днестру, подгоняя их криками — „жидане" и ударами палок и прикладов. Несчастные спотыкались и падали, плакали, кричали, молили о пощаде. Но ничего не помогало, солдаты ещё больше избивали несчастных... Их расстреляли у самого Днестра. Вопли в то тихое прозрачное утро разносились далеко-далеко.

В живых солдаты оставили одного человека, немолодого но крепкого столяра Хаим-Идла, чтобы закопать убитых. Вначале солдаты велели ему зайти в Днестр и лечь лицом вниз. Когда он встал солдаты уже ушли. Хаим-Идл выкопал большую яму, уложил убитых и засыпал. Через день он вернулся в Дзыговку и рассказал как всё было. Высокий, неуклюжий, с большущими руками, почти потерявший рассудок от пережитого, Хаим-Идл своим грубым, заикающимся и без того голосом, то

то рыдал и всхлипывал, как ребёнок, то безумно рычал, как зверь...
Среди убитых были моя бабушка Губа Мейтлер, тётя Эня-Рейзя Гуральник, дедушка Алтер Калиман, наша соседка Гухл Сирота, портной Идл Мерилштейн с сыном, мать моего товарища Хайка Куль с десятилетним сыном, женщина с двумя близнецами на руках...
Было их более пятидесяти евреев из Ямполя и Бессарабии.
После этого страшного события мы боялись возвращаться домой и пробыли в Дзыговке ещё некоторое время. По большой дороге, мимо домика Ройфов, где мы находились, ежедневно проходило множество переодых в гражданскую форму красноармейцев, убежавших с армии. Мама всматривалась в их лица, всё переспрашивала, нет ли нашего отца. Но евреи не возвращались...
Время шло и в одно раннее утро мы решили вернутся домой. По обеим сторонам дороги тянулись поля, обильно заросшие зеленью, как никогда, ещё в том году на погибель и уничтожение. Страшно было войти в Ямполь, где ещё так недавно румынские солдаты остановили у развилки дорог наших родных

и близких и повели на расстрел. Крадучись закоулками подходили мы к своим домам. Двери всех домов были раскрыты, а добро разграблено соседями-украинцами. По улице было пустынно и тихо, как на кладбище. Казалось слышно, как пролетает муха. Кое-где можно было увидеть изредка промелькнувших в белых косынках крестьянок или в соломенных капелюхах крестьян. Евреи же боялись выходить на улицу.

Постепенно в Ямполь вернулись евреи из Дзыговки, а также из других мест, где они были застигнуты немецкой армией. Из маленького местечка Забокрич, находящегося недалеко от станции Вапнярки вернулись выжившие после учиненного там погрома остатки нескольких семей. Из семьи Мойше Лернера вернулась самая младшая дочь - восьмилетняя Пэсале. Жена его, сам Мойше, старшая дочь и два сына были там убиты. Мой соученик Авраам Ланда вернулся оттуда раненный с единственной сестрой. Мать и старшую сестру убили.

В Забокриче немцы и румыны учинили страшную бойню; Убегая в начале войны от быстро продвигающихся немецких войск

беженцы в замешательстве сами не знали куда направить свой путь. Недобрые пути привели многих беженцев из Ямполя, Крыжополя и других местечек – в Забокрич, где до войны проживало до пятисот евреев.

Некоторые полагали, что в этом неприметном месте, стоящем в стороне от больших дорог, они смогут переждать немецкое наступление, идущее по их стопам. Вскоре немцы и румыны заняли Забокрич, а сразу за местечком Красная Армия их приостановила и разгорелся жестокий бой. Преодолев сопротивление немцы и румыны решили расправиться с евреями, обвинив последних в том, что, якобы, два молодых парня залезли на верхушки деревьев и давали сигналы красным о расположении немецких войск. Румыны согнали всех мужчин в парк, велели им выкопать яму и расстреляли. Многие из них были похоронены заживо.

Остальных румынские солдаты загнали в подвалы, а немцы установили в окнах пулемёты и стреляли по людям. По рассказам выживших там было убито до шестисот евреев забокричских и заезжих беженцев. Несколько дней убитых не хоронили и по местечку разносилось сильное зловоние.

Некоторые семьи были застигнуты немцами далеко в дорогах Украины и были там убиты. Не вернулась в Ямполь после войны большая семья Ехиела Шнайдмана; его, жену Мильку, две невести и четыре внуки немцы убили вместе с другими евреями за Житомиром.

Плохая весть пришла из ближнего села Била: немцы изнасиловали еврейскую девушку Любу Кац, проживавшую там с родителями и сестрой. Люба повесилась.

С первых дней оккупации румынские власти собрали всех евреев в гетто. Было объявлено, что все должны нашить нарукавный знак - жёлтый магендовид, и выходить за пределы гетто не разрешается под страхом смертной казни. Разрешалось выйти на базар ненадолго в одиннадцать утра после закупки продуктов местным украинским населением. Задержавшихся на базаре украинские полицаи избивали.

В Ямполе гетто находилось на трёх улицах и примыкавших к ним переулках. Со всех остальных улиц евреи были выселены в гетто. В большом доме портного Йосла Лернера румыны организовали мастерскую, в которой 6-7 человек евреев портных и сапожников шили одежду и обувь для румынских чиновников и украинских

полицаев. Кроме румынских властей – префектуры, примарии и жандармерии, украинцы создали свое самоуправление; над канцелярией они повесили свой национальный жёлто-голубой флаг. Румынские жандармы и украинские полицаи разъезжали по улицам на лошадях с палками и плётками в руках. Несмотря на то, что они следили, чтоб неевреи в гетто не заходили, как было объявлено с самого начала, были случаи, когда отдельные крестьяне заходили в еврейские дома, заносили что-то продавать или даже дарить еду. Так несколько раз ранним утром, на заре в наш дом забегали крестьянки из ближних сел, бывшие заказчицы моего отца-портного и приносили молочное, не требуя платы.
Ремесленники – портные, сапожники, парикмахеры кое-как зарабатывали на пропитание. Остальные обитатели гетто – большинство его жителей продавали с себя последнее, обменивали оставшиеся у них вещи на продукты и жили впроголодь. Каждый день гетто должно было выделить на различные чёрные работы несколько десятков человек. Их заставляли убирать и чистить улицы, мыть полы, окна и двери в городских учреждениях и больнице, обрабатывать и сторожить школьный сад. Назначать

и выводить людей на работу должен был старший над евреями гетто Мотл Вайнштейн, поставленный румынами для этих целей. Мотлу - лет за пятьдесят. Он высокий, плотный, с большой седой головой, умён; пользуется авторитетом. Мотл умеет и любит пошутить, громко посмеяться собственной шутки; и теперь, в тяжёлое время он не падает духом, хотя остался в своём доме один из всей семьи. В начале войны он отправил на восток жену с младшим сыном Айзиком и дочку с двумя внуками. Все годы Мотл проработал бухгалтером на машино-тракторной станции и когда началась война его задержали на работе до последнего дня, когда уже не на чём было уезжать из местечка. Дом Мотла стоял на одной из центральных улиц и румыны его выселили в гетто, где он нашёл приют у одинокой вдовы.

В конце лета в Ямполе внезапно разлился Днестр. Наводнения бывали здесь и раньше, но они обычно случались весной, когда река раскрывалась ото льда. Этот разлив реки люди связывали с якобы большими военными действиями, происходящими в действительности в это время в районе Одессы,

где недалеко оттуда река впадает в Черное море.
Крестьянские хаты в Ямполе, вблизи Днестра стояли по крышу в воде. Улицы гетто, находящегося подальше от реки, были затоплены. Вода залила подвалы домиков гетто. Итальянские солдаты с песнями развозжали на сколоченных наспех деревянных плотах по полноводным улицам, по-видимому вспоминая свою далекую Венецию, и спасали утопающих и их скудное имущество. Они снимали с крыш крестьянских домиков, покрытых доверху водой, с верхушек деревьев, а также с порог еврейских домиков — людей, не успевших покинуть свои дома.
Когда через пару дней вода отступила, несколько крестьянских хат завалилось, а кособокие еврейские домики гетто ещё больше покосились. Завалился один еврейский домик — старая халупа портного Ицика Бренера. Соседи, что напротив через улицу, приняли Ицика к себе, перенесли убогие его пожитки и старую швейную машину, на которой он проработал всю жизнь... Ицику нет еще шестидесяти. Он мал ростом, худощав, с жидкими усиками над посиневшими губами; ноги у него опухли. Ицик сидит у окна комнатки, которую соседи ему отвели, тяжело с присвистом дышит

и грустными глазами смотрит через улицу на развалины своей халупы, где прошла его жизнь с женой Ханой и четырьмя детьми.

...Ицик, с молодости болеющий сердцем, избежал артели, куда в начале тридцатых годов собирали всех ремесленников, — портных, сапожников, парикмахеров. Он ходил, а то разъезжал на повозке, а зимой на санях в ближние от Ямполя сёла со своей швейной машиной за плечом. Там он всю неделю шил одежду крестьянам, переходя от одного дома к другому. За работу платили ему продуктами и немного деньгами. Всё это хватало семье на нищенское существование. Жена Ицика-Хана много лет болела туберкулёзом лёгких и умерла незадолго до войны. Не стало матери не стало и семьи; дети расползлись кто куда. Старшая дочь пошла работать продавщицей в магазине, средняя — телефонисткой на почте, а самая маленькая ещё училась в младших классах. Сын, болезненный с детства парень, вернулся накануне войны из армии, а в начале война его опять забрали в армию, где он вскоре погиб. Дочерям удалось эвакуироваться, а больной Ицик и не смог помышлять об отъезде и остался один дома.

Прошло лето. Приближались еврейские новогодние праздники. Имевшиеся в местечке четыре старые синагоги, в которых по праздникам и будням молилось не одно поколение евреев, после 1937 года были закрыты. Две синагоги, стоящие на небольшой площади при выходе из городка по дороге на Днестр, смотрели друг на друга своими заколоченными дверьми и окнами. Самая большая, двухэтажная красивая синагога в центре местечка, которую почему-то называли ди клойз была закрыта советской властью давно и использовалась под склад. Теперь она пустовала и евреи собирались молиться здесь в новогодние праздники. Но хорошо подумав решили, что не время собираться многим евреям в одном месте и миньоны на рошашона и йомкипур собирались в нескольких еврейских домиках, куда тайком ранним утром приходили люди.

Молились и в домике, где жил Ицик Бренер. Даже в такое тяжкое бедственное время чувствовалось величие и торжественность этих трепетных дней. При виде молящихся, у Ицика потеплело на душе, снова загорелись искорки в его потухших глазах, вернулась надежда на жизнь. Однако, его больное сердце не могло долго выдержать и поздней осенью Ицик Бренер умер.

К тому времени, когда немцы и румыны захватили Ямполь, молодых ребят, моих сверстников осталось всего трое - Герш Мельцендлер, Авраам Ланда и я. Герша расстреляли немцы сразу после прихода возле райисполкома. Авраам и я не ежедневные работы по уборке улиц не показывались. Тяжёлые раны, полученные Авраамом в Забокриче, не залечивались и он лежал больной в страшной нищете в своём домике. Ухаживала за ним его младшая сестричка.
Я прятался в своём доме, чтобы не попастся на глаза немцам и румынам. Это было опасно. Целыми днями приходилось сидеть в зловонном дворовом туалете, полным мух и выглядывать в щелочку не идёт ли кто.
Мотл Вайнштейн, старшина над евреями старался всячески не посылать меня на работу, так как немцы и румыны расправлялись по особому с молодыми ребятами. К тому Мотл питал особые чувства ко мне - с его сыном Айзиком мы были друзьями с детства. Однако, ему всё труднее было скрывать меня от работ из-за того, что другим приходилось поэтому чаще на грязные тяжёлые работы, которые сопровождались избиением палками.
В один осенний вечер Мотл пришёл в наш дом

с хорошей вестью, что он договорился в мастерской, чтоб меня приняли туда учеником. Это облегчило моё положение. В мастерской я сидел целыми днями и распарывал серые солдатские шинели, которые затем перекрашивались в чёрный цвет и портные шили из них форму для украинских полицаев.
Вскоре Герш Кацнер, один из работавших в мастерской портных привёл с собой на работу парня моих лет – Гедалью, болезненного бледного мальчика из Бессарабии. Когда осенью 1941г. румынские жандармы гнали бессарабских евреев через Ямполь – Герш и его жена Шпринця подобрали упавшего на дороге больного Гедалью, оставшегося одного в живых из всей семьи, выходили и приютили его. Все три сына Герша и Шпринци – Сёма, Йойсл и Арон были на войне.
С первых дней войны румыны, вернувшие себе Бессарабию и Северную Буковину, отнятую у неё Советами год назад, жестоко расправились с евреями этих краев. С многочисленных городов, местечек и сёл Бессарабии – Сорок, Единиц, Брычан, Рышкан, Згурицы и других, где сотни лет проживали десятки тысяч евреев, румыны их подняли с мест, собрали в два больших концлагеря в местечках

Сокиряны и Вертюжаны и всё знойное лето гнали по пыльным дорогам без воды и пищи. Многие пали в дорогах, особенно старики и дети. Осенью всех евреев Бессарабии и большую часть буковинских-черновицких румыны выгнали в Транснистрию — на погибель.
Румыны обвиняли евреев Бессарабии и Буковины в том, что те, якобы, звали Красную Армию в 1940 году оккупировать эти места и тепло принимали красноармейцев, когда те пришли. Всю осень 1941 г, день за днём, через Днестр, по промокшим от осенних дождей дорогам, через Ямполь, Могилёв-Подольск и другие места шли бессарабские и буковинские евреи, подгоняемые румынскими жандармами, — в Транснистрию, на Буг — на муки и уничтожение. Среди них были также и румынские евреи из городка Дорохой, расположенного на реке Прут, границе с Бессарабией. Этих людей румыны обвиняли, что те, якобы звали Красную Армию в 1940 году идти дальше Бессарабии и занять всю Румынию. Еврейские семьи Дорохоя были разделены: женщин с детьми отправили на запад — в Трансильванию, а мужчин изгнали в Транснистрию.
Люди падали по дорогам от голода, болез-

ней, изнеможения. Перед переправой через Днестр этапы делали остановку в Косоуцком лесу, напротив Ямполя. Там, после ночного привала в мокром холодном лесу многие старики больше с места не поднимались.
По дорогам голодные дети иной раз забирались в сады или поля, чтобы сорвать что-либо покушать.
Гриша Вайсбух, житель Черновцов, бывший в то время малышом рассказывал, что когда их гнали мимо богатых фруктовых садов у Днестра, его товарищ залез на яблоневое дерево, румынский жандарм застрелил его на глазах у несчастных родителей.
В Ямполе этапы изгнанников делали остановку при выходе из городка, на горе, у развилки дорог возле ветеринарной больницы. Там некоторые больные и старые люди, а также семьи с малыми детьми могли нанять крестьянскую повозку для дальнейшей дороги, за что надо было уплатить ценными вещами и крестьянину-возчику и румынскому жандарму, что было под силу только очень немногим.
Люди падали, умирали на дорогах. Опасаясь возникновения болезней от множества незахороненных, румынские власти

послали нескольких ямпольских евреев похоронить умерших. Среди них были — Мотл Вайнштейн и балагула Абеле, как его звали в местечке. Пять дней они шли и хоронили людей. По возвращению Абеле рассказывал, что мёртвые, среди которых было немало матерей с грудными детьми, валялись прямо на дорогах.

Часть более состоятельных людей, которые были среди буковинских-черновицких евреев старались договориться с румынами, чтобы остаться в Ямполе, Могилёв-Подольске и других ближних от Днестра местах. Румыны-взяточники требовали за это большой выкуп в виде золота или драгоценностей. Кое-кому это удалось.

Однажды под вечер, в наш домик, стоящий на высоких ступеньках по улице, ведущей к Днестру, поднялась черновицкая семья Рубин. Они, якобы, договорились с румынами остаться в Ямполе. Моя мама их тепло приняла, напоила продрогших измученных людей горячим чаем, постелила им как только смогла получше из нашего скудного добра. Уставшие с дороги, они сразу легли, но допоздна не могли уснуть и долго рассказы-

вали о своей прежней красивой жизни в Черновцах. Отец, человек лет пятидесяти работал начальником пригородного вокзала, мать — журналисткой, была хорошо знакомой с известной украинской писательницей Ольгой Кобылянской, а сын — Титус, странным у евреев именем, кончил университет, был лингвистом.
Утром в наш домик ворвались жандармы, подняли семью и столкнули с высоких ступенек вниз. Оказалось, что семья Рубин не смогла уплатить требуемый выкуп, и они ушли дальше....
В 1944 году, возвращаясь домой в Черновцы после освобождения мать и сын Рубины зашли в наш домик. Они рассказывали, что отец умер в Бершадском гетто, где во время войны умерли тысячи бессарабских и буковинских евреев. Через Ямполь вместе со многими другими проходила и семья Шпассер. Румынские власти согласились оставить в местечке только одну мать за имевшийся у них небольшой выкуп. К тому же мать была модисткой, нужная румынам специальность. Мать одна, безусловно не захотела остаться, и семья ушла дальше на Буг. Их загнали также в Бершадь, где мать и дочь умерли, вернулся из всей семьи только сын Яша с больным

сердцем и воспалёнными составами. Отца Яши расстреляли в первые дни захвата Черновцов, где немцы и румыны чинили расправу с евреями. Они убили в разных местах города до трёхсот евреев и сожгли самую большую синагогу в городе. Об одном таком случае массового расстрела рассказывали, что румынские солдаты задерживали в течение первых трёх дней всех встречных или евреев по улицам, загоняли в подвалы большого Дома офицеров, расположенного на театральной площади, всех выстроили, каждому десятому велели выйти из строя и повели их, более ста человек в ближнее село Била, где их расстреляли.

В нескольких местечках и сёлах Буковины и Бессарабии местное население убивало евреев, бывших своих многолетних соседей, забирая себе их имущество. Такие случаи массовых убийств произошли в Сокирянах, в одном из близлежащих к Черновцам сел и других местах. После первых дней расправы румынские власти собрали всё еврейское население Черновцов — более сорока тысяч человек, — в гетто, и осенью более двадцати пяти тысяч были депортированы в Транснистрию. Из них некоторой небольшой части удалось договориться с румынами и

за взятки остановиться в гетто в начале тяжёлого пути, в ближних от Днестра местах — Ямполе, Могилёв-Подольске, Шаргороде, малых Черновцах, Жюрине и других, где они смогли благополучно пережить войну.
Остановившиеся в Ямполе примерно семьсот евреев радушно приняли к себе в дома местные, которые всячески помогали новоприбывшим устроить свою жизнь на новом месте.
Почти в каждом еврейском домике находились изгнанники из Бессарабии и Буковины, преимущественно Черновицкие евреи. В нашем маленьком доме жили мадам Леккер со взрослой дочерью Женей, родом из Бухареста; Герши и Ева Шойхет — брат и сестра; парень Изя Ройтман — все родом из бессарабского городка Единцы. Все они оказались в Черновцах в тот момент, когда оттуда высылали евреев в Транснистрию. Кроме этих людей, в нашем доме ещё находился одинокий старик парикмахер Хаим-Мейер Шлайфер, выселенный в гетто с центральной улицы
С приходом Черновицких в гетто жизнь там оживилась, стало немного веселее от общения с новыми людьми. По вечерам собирались в своих бедных домиках за столом у тусклых лампад,

пили чай с сахарином, который выменивали у румынских солдат, вспоминали с грустью довоенную прошлую жизнь, порой вполголоса пели еврейские и румынские песенки. Днём люди также сидели по своим домам, остерегаясь встреч с румынскими жандармами или украинскими полицаями, которые кончались, обычно, угоном на работу на целый день и побоями. После одиннадцати утра, когда местное население — украинцы всё закупят, женщины из гетто забегали туда ненадолго, чтобы закупить или обменять на оставшиеся ещё тряпки — немного картошки, фасоли, кукурузной муки

Первая военная зима выдалась очень холодной. Ветер гнал хлопья снега по пустынным улицам гетто и завывал в каждую щелочку убогих еврейских домиков. Топить было нечем, нечем было укрываться на ночь и люди мёрзли. Изя Ройтман, самый бедный из всех наших квартирантов, вставал среди ночи походить, чтобы согреться, а то поднимался на заре подмести комнату, не давая спать остальным жильцам. Тонкие худые коврики, служившие ему постельным бельём и одновременно одеялом никак не могли согреть его на твёрдой деревянной софе, служившей ему кроватью, и он шутя, мечтал

найти себе невесту с одеялом.
Гетто не было ограждено. Объявление гласило, что выходить за его пределы запрещено под страхом смертной казни. Люди иной раз с риском для жизни выходили, чтобы что-то заработать или купить. Однажды перед вечером вышел из дому черновицкий портной, чтобы принять заказ у крестьянина, живущего рядом с гетто. Этот портной домой больше не вернулся. Это было поздней осенью. Его труп нашли ранней весной, когда начал таять снег, далеко у реки, заброшенный в яму. Ходили слухи, что его убил крестьянин, к которому тот заходил принять заказ. Этот крестьянин, живший со своей женой в бывшем еврейском доме, был предводителем банды, ограбивших еврейские дома и как говорили, убил еврея портного, чтобы снять с его пальца большое золотое кольцо, которое тот носил непредусмотрительно. Однако доказательств не было, да и расследованием убийства еврея в то время никто не занимался.
Люди в гетто привыкли к полной опасностей грубой, серой жизни; жили сегодняшним днём, где единственной радостью было покушать. Такова была жизнь гетто. В то же время люди страдали неимоверно, тосковали по своим

родным, с которыми были в разлуке, мучились и беспокоились, а порой радовались какой-то мелочи, хорошему слову, а молодые даже влюблялись. Особенно трудно было одиноким и старым людям. В нашем доме жил одинокий парикмахер Хаим-Мейер Шлайфер. Его жена умерла незадолго до войны, пять его сыновей были на войне, а единственная дочь со своей семьей эвакуировалась. Днём и ночью Хаим-Мейер тосковал по детям, по умершей жене. Бывало он стоит, сгорбившийся над редким, заходившим к нему побриться, клиентом в передней, единственно светлой комнате дома, и долго рассказывает о своих умных, смелых сыновьях, о красавице дочери... Или, бывало, проснётся с криком ночью от приснившегося кошмара и долго после этого не может уснуть, говорит сам собой скрипучим своим басом, не давая спать никому в доме.

В Ямпольской больнице работал врачом черновицкий доктор Менчер. Жил он в гетто недалеко от нас с женой и престарым отцом. Доктор заразился и заболел тифом. Отец не мог выдержать потерю единственного сына. Вскоре, в одно зимнее утро, люди увидели повесившегося на дереве у дома отца доктора Менчера

Молодая красивая девушка из Бессарабии, звали её Хинка, отравилась, не получив взаимности в любви от Черновицкого парня Феди.
Несмотря на беспросветную жизнь, голод, холод, грязь, евреи гетто, окруженные со всех сторон врагами, и не имевших, казалось, никаких шансов на выживание, — не теряли надежды на спасение, верили в бога, соблюдали, пусть очень бедно, еврейские праздники и традиции, постились, надеялись на чудо, что вскоре Красная Армия остановит немцев. Слухи о возврате Красных, неизвестно откуда почерпнутые, разносились по гетто.
Несмотря на строгий запрет, отдельные люди шли из города в город в поисках потерявшихся родных, или более лучшего места, где можно было бы спокойно пережить войну. Евреев, задержанных в дорогах, приводили в жандармерию, держали пару дней и затем расстреливали. Мы не раз видели через маленькие окошки нашего дома, как румынские жандармы вели к Днестру задержанных в дороге а на обратном пути проносили только их одежду! Особой жестокостью славился майор жандармерии, который сам допрашивал, избивал задержанных и выносил им смертные приговоры.

Однажды зимой жандармы задержали в дороге и привели шедшую из Могилёв-Подольска группу бессарабских евреев. Люди эти были родом из местечка Ботошаны. Гетто всполошилось, что теперь будет с ними. Их продержали под арестом несколько дней, пока Черновицким заправилам гетто доктору Фишеру и Бирнбауму удалось за соответствующий выкуп освободить Ботошанских евреев. Их было человек тридцать. Ботошанские, как их называли, нашли приют в гетто.

Среди Черновицких было много интересных людей высокой культуры, знающих несколько языков, врачей, адвокатов, высококвалифицированных ремесленников. Многие из них были религиозными людьми, истинно соблюдавшими еврейскую веру. Одними из таких, служившими примером высокой религиозной морали была семья братьев Каган. Старший был женат и жил втроём с женой и мальчиком. Младший брат женился во время войны на Ямпольской девушке из гетто Ривке Шаргородской.

Люди в гетто каждый раз обращались к братьям Коган, особенно к старшему, за советом и помощью. Когда в 1944 году после освобождения братья вернулись в Черновцы, младшему с женой Ривкой

удалось, как многим черновицким евреям, уехать в Эрэц-Исроэл. Старшему брату не удалось убежать, и они отправляют своего сынишка с младшим братом, в надежде что вскоре тоже уедут. Долгие годы пришлось семье старшего Кагана мытарствовать в Черновцах и тосковать по своему сыну. Никакие доводы и просьбы не помогали. Более того, его преследовали за религиозную деятельность, арестовали и выслали из города, а жена его мытарствовала много лет без средств на существование. Наконец, после возвращения из ссылки в шестидесятых годах этой семье с большими трудностями удалось уехать в Израиль, где они после долгой разлуки встретились с сыном.

Вскоре после прибытия в гетто черновицких евреев, из их числа в мастерскую, где я работал румыны направили двух портных Виннингера и Полака. Опытный превосходный специалист и добрый человек Зигмунд Виннингер обучал меня портняжному ремеслу, которое впоследствии мне пригодилось.

Были среди черновицких и такие дельцы, как доктора Фишер, Шапиро и Бирнбаум. Звали их докторами, а по профессии они были юристами. Став сразу после прихода в гетто во главе

его, эти люди зная хорошо румынский язык, вошли в контакт с властью и стали посредниками каких людей оставить в гетто за большие выкупы, а каких победнее — отправить дальше. Фишер и компания грели руки на чужом горе.
Имея большое влияние на румынские власти они впоследствии крайнюю несправедливость по отношению к местным евреям, гостеприимно принявших черновицких в свои дома.
Когда осенью 1942г. румынские власти выслали из Ямполя в лагеря местных евреев, туда угнали вместе со всеми очень старых и больных люди, умерших вскоре. В то же время в Ямполе были оставлены часть местных — ремесленники и немногие состоятельные, выкупившие себя у румын через доктора Фишера. Фишер и Бирнбаум составляли списки людей на высылку и зачитывали их перед толпой, выгнанной на площадь, перед отправкой...
Тем временем жизнь в гетто и за её пределами шла своим чередом. Украинское население радовались приходу немцев и румын и новыми порядками. В первые дни многие из них раскрыли еврейские дома и поживились их добром. Затем они создали своё националь-

самоуправление, в котором активное участие принимал Петровский, бывший при советской власти ответственным работником и коммунистом, врач Белоногий, одевший нарукавную повязку со свастикой и другие. Украинские полицаи в своей форме, чёрных бекешах и папахах, разъезжали по местечку на лошадях и следили, чтоб евреи не выходили из гетто, и не появлялись на базаре не в установленное для них время, а провинившихся избивали плётками. Во главе полицаев восседал на лошади маленький злой горбун Дудник, работавший до войны продавцом в магазине. Однажды поздней осенью Дудник забежал в мастерскую, где я работал, и за какую-то мелкую провинность ударил по лицу портного Мойсея, громко вскрикнув:

— Ваша справа вже за Москвою —

В Ямполе издавалась газета на украинском языке, в которой на самом верху помещались антисемитские цитаты из книги фюрера, вроде того, что коммунизм — это последняя попытка евреев овладеть миром, или с нападками на американских евреев плутократов, стремившихся к ми

ровому господству. Там же печатались сводки об успехах немецкой армии на фронтах, имевших место в первое время. Открылись две украинские школы, две церкви. Директором одной из школ стал ничем не приметный до войны учитель немецкого языка Франко.
Звонили колокола в церквях, раздавалась музыка из крестьянских дворов, беспрерывно праздновались то свадьбы, то крестины; серо и темно было на улицах гетто; над ним всё больше сгущались облака.
Как ни трудно было евреям гетто, как долго ни тянулись для нас ночи и особенно дни, время шло. Прошла зима, пробежали весна и лето, наступила осень 42 года.

В конце лета по гетто поползли слухи, что местных ямпольских вышлют в лагерь, — на Буг. Пришедшие весной из Могилёв-Подольска люди рассказывали, что там подняли большинство могилёвских и выслали в Сказинецкий лагерь, и в Печору — на Буг.
Тревожные слухи всё больше нарастали, будоражили гетто и вносили раздор между местными и Черновицкими евреями.

– Почему должны выслать местных?, – спрашивали одни
– Потому, что Черновицких уже однажды с места поднимали, – отвечали другие.
– Потому, что Черновицкие богатые и вместо себя они добились у румын, чтоб выслали Ямпольских, – отвечали третьи.
Тем временем люди в гетто готовились в дорогу, шили себе заплечные мешки. В нашей семье всё наше добро – одно ватное одеяло на троих, несколько рубашек, немного кукурузной муки, оставшаяся после грабежа посуда – разбитые чайник и кастрюля – вмещались в три небольших заплечных мешочка, каждому по одному на плечо. Остальную одежду мы взяли на себя. Подобная картина была и во всех других семьях, у которых имущество было разграблено. Слухи о высылке всё более разрастались и разносились по гетто.
Ночью 22 октября румынские жандармы окружили гетто и под утро, затемно ворвались в еврейские дома и выгнали почти всех Ямпольских евреев на старинную времён турецкого владычества, городскую базарную площадь. Вокруг было темно.

как и в сердцах людей. Нас, выгнанных на площадь из своих, кажущихся нам теперь таких тёплых домов, было человек семьсот. Со всех сторон огромной толпы стояли жандармы. На возвышенности, возле одного из домов за столиком стояли два-три румынских офицеров, а рядом с ними длинющий доктор Фишер и маленький Бирнбаум. Фишер вызывал людей по списку, а вызванные должны были отойти от толпы в сторону. Списки были составлены так, что члены одной семьи были записаны не подряд, и это вызывало тревогу и суматоху у людей, что семьи будут разделены. По площади разносились крики и вопли...

Наконец, к утру, когда уже посветлело, всех до единого вызвали по спискам на отправку, и румынские жандармы повели толпу за город. Нас ведут по центральной, ленинской улице. Мы идём с поникшими головами, и нас осматривают любопытные зрители, украинское население, выстроившееся на тротуарах по обе стороны улицы. Улица казалась нам чужой, мы проходили по ней ещё в начале войны, когда мы убежали из Ямполя в Дзыговку. Дома этой своей, когда-то, весёлой, красивой улицы казутся другими. Вот - аптека, двух-

этажный нарядный банк, на высоких ступеньках типография, кинотеатр, городской парк, большой дом культуры... Все и всё смотрит на нас отчужденно. Улица поворачивает налево, мимо старинной городской тюрьмы и ведёт наверх к выходу из местечка. По дороге на гору вереница людей, женщин с детьми и стариков, — растянулась. Недалеко от нас идёт ещё довольно крепкий, высокий, плотный, с большой седой головой Мотл Вайнштейн, — бывший староста над евреями, с мешком вещей за плечами. Позади толпы еле плетутся старый рабин Исроэл с мешком молитвенников за плечами, столетний Шае-Йоси Ялонецкий, хромой старик-меламед Дувид с женой. А в самом конце плетется еле передвигаясь с палочкой в руках скрюченными с рождения ногами Пиня Куперман, бывший до войны кассиром сберкассы. Рядом с ним тянется его жена — Фаня Нафтуловна, моя учительница младших классов еврейской семилетки. Она подслеповата, плохо видит дорогу, ведёт за руки детей близнецов, мальчика и девочку лет восьми, которых Бог им послал уже в немолодые годы. Когда жандармы привели нас на железнодорожный вокзал городской начальник привёз

грузовую машину с хлебом и каждой семье дали на прощанье буханку хлеба. Затем нас погнали на посадку на открытые товарные площадки. Без крыши, благо что не было дождя и стояла теплая осенняя погода. Площадки были без ступенек, женщинам и старикам было очень трудно вскарабкаться на них. Поезд тронулся.
В Ямполе остались кроме черновицких и бессарабских евреев, несколько семей ремесленников, несколько сумевших выкупиться зажиточных евреев, и немногие сумевшие спрятаться.
День клонился к концу, когда наш узкоколейный поезд подходил к узловой станции Вапнярка. Сопровождавшие нас жандармы погнали нас вниз и стали пересчитывать людей, а тем временем толпу евреев окружили и осматривали со всех сторон любопытные железнодорожники-украинцы. Один из них снял с плеча старика-еврея Дараховского пальто на дорогой меховой подкладке, которое тот носил по праздникам в синагогу. Солнце зашло и стало холодно. Подали эшалон с товарными вагонами. По доскам, проложенным с земли, к высоким раздвинутым дверям вагонов, жандармы погнали людей вверх наглухо закрыли за ними двери и эшалон

медленно тронулся в дорогу. Было темно и жутко. Всю ночь раздавались детский плач и крики, стоны больных и старых; тут же одни ходили по естественным надобностям, другие жевали кусочек хлеба.

К утру поезд прибыл в тупик, на место назначения, и жандармы ехавшие в последнем вагоне нас высадили. Куда нас привезли? Вдали, внизу виднелась река. То был Южный Буг. Мы находились на правом высоком его берегу. На склоне горы на большой площадке стояли домики, казавшиеся издали игрушечными и такие же редкие прохожие люди. Это был лагерь – Ладыжинский каменный карьер, бывший до войны тюрьмой. Жандармы нас погнали вниз к реке и по дороге высматривали что ещё можно снять с плеч евреев. Один из жандармов, заметив на мне суконное пальто, пытался забрать его себе, дав мне знак остановиться. Но прежде чем он приблизился ко мне, я успел затереться в толпе и ножом повредить его, сделать глубокий надрез, чтоб оно не выглядело так привлекательным для него. У самой реки жандармы велели нам снять заплечные мешки, а самим

стойки к Бугу. Лишь порывшись в наших убогих мешках, взяв себе последнее, что можно было ещё взять у евреев, они погнали нас наверх, на площадку, где размещался лагерь, и мы расползлись по баракам и подвалам. Это были неустроенные, полуразрушенные без отопления помещения. Особенно холодно и неуютно было в подвалах, в одном из которых находилась наша семья.

Люди, которых мы там встретили были из Бессарабии и румынского городка Дорохой. Находились они в Ладыжине уже несколько месяцев и были крайне истощенные. Питались они тем, что выменивали у крестьян продукты на вещи, сохранившиеся ещё у них. Лагерь был расположен далеко от населённых пунктов, поэтому не был ограждён. Крестьяне время от времени подходили к лагерю, чтобы выменять у евреев какие-то вещи. Лагерники старожилы нам рассказывали, что незадолго до нашего прибытия, среди ночи приехали из-за Буга немецкие машины и забрали пару сот человек, которых уже больше не видели. Люди в лагере были в постоянном страхе, что подобное повторится. Со временем

мы убедились, что немцы много раз наезжали в румынские лагеря, забирали оттуда людей на работу за Буг, а после окончания — убивали.

Устроившись в каменном полуподвале, где мы прожили несколько дней, мы с сестрой понасобирали сухих веток и мать сварила в старом чайнике похлёбку из кукурузной муки. В одно утро сестра проснулась от сильной боли в коленях, касавшихся плотно к холодной, мокрой стене подвала. Тогда мы быстро переселились на освободившиеся места одного из старых разбитых бараков. Первое время, пока ещё не наступила зима, люди ремонтировали своё жильё, забивали досками разбитые окна, чинили старые печи. Из близлежащего леса люди носили на плечах вязанки дров.

Кончились все наши съедобные запасы, и мама выменяла у одной крестьянки моё пальто, спасённое мной от жандарма, на мешочек кукурузной муки и получила впридачу старую, в сплошных заплатах, со взбившейся ватой куртку, которую я одел на себя. Кукурузная мука оказалось пропитанной керосином. Прежде чем варить мама

выжаривала муку на кусочке жести, чтоб испарить запах керосина. Но это не помогало, и мы ели мамалыги из этой муки в холодном виде, чтоб меньше чувствовался запах. У многих и такой еды не было.

Люди в лагере при всём бедственном положении старались помочь друг другу. Когда нас выслали из Ямполя троим портным удалось притащить на плечах головку швейной машины. На ней они немного подрабатывали, набирая работу у подходивших к лагерю крестьян и ремонтируя за мизерную оплату одежду евреям-лагерникам. Старик Зингер, один из этих портных, бывший друг моего отца и добрый человек предложил и настоял, чтоб и мне дали небольшую работу, — крутить колесо машины палкой, за что портные из своего мизера уделяли мне небольшие крохи, что поддерживало ~~жизнь~~ нашей семьи.

Наступила зима... Гора, на которой находился лагерь, покрылась снегом и льдом и резкий морозный ветер с реки сбивал с ног изнеможденных голодных, раздетых и разутых людей, редко выбегавших на улицу из барака в барак, чтобы проведать родных или знакомых, или просто поговорить.

Холодно, тесно и грязно было в бараках. Истощённые люди болели. Ежедневно умирали десятки людей, особенно старики и дети. Из ямпольских вскоре умерли раввин Исроэл, Столетний Шае-Йоси, хромой меламед Дувид и многие другие ямпольчане, а также старые обитатели лагеря. Мертвых хоронили недалёко от бараков, тут же на горе, в неглубоких могилах, так как из-за близости реки вода в ямах вскоре выступала.

Вначале января 43 года из Ямполя в лагерь пригнали часть евреев, которым удалось скрыться в гетто во время первой высылке в конце октября 42 года. Среди них был - дядя Мойше-Мейер, брат отца, а также Авраам Ланда мой соученик, с младшей сестрой. Авраама, выжившего со сестрой в погроме в Забокриче в первые дни войны, нельзя было узнать. Он был страшно истощённый и исхудавший, до сих пор не залечивались раны, полученные там. Вскоре Авраам умер. Какая это была светлая голова и добрая святая душа.

Прибывшие в лагерь из Ямполя рассказывали, что румыны в последнее время смягчили своё отношение к евреям, разрешали им мелкое ремесло и торговлю. Люди покупали продукты

у румынских солдат и перепродавали их, делали и продавали мыло, газированную воду и др. Было начало 1943 года и румыны, видимо чуя исход войны, начали подумывать о своей собственной судьбе в этой войне. Но до облегчения для евреев было очень далеко.

Из лагеря люди очень редко убегали. Каменный карьер где мы жили, находился в удалении от населённых пунктов. С одной стороны лагерь огибал Буг, с других сторон — леса и горы. Главным препятствием для побега было то, что бежавших можно было узнать по одежде и виду, их задерживали в дороге жандармы или украинцы-пастухи и приводили обратно. Наказанием за побег было избиение розгами у всех на виду. Самым большим наказанием была отправка бежавших в Печорский лагерь, одно из самых страшных мест.

Печора — село на правом берегу Буга, недалеко от городка Тульчин. В том месте, где до войны был санаторий, румыны устроили лагерь для евреев. Место оцепили колючей проволокой, лагерь охранялся румынскими жандармами и украинскими полицаями. Они строго следили, чтобы не было контактами между лагерниками и украинским населением, чтоб ничего

из продуктов не попало за колючую проволоку. Ежедневно там умирали десятки, сотни людей. Через Печору прогнали тысячи евреев Юго-Запада Украины, Бессарабии и Буковины, большинство из которых умерли от голода, болезней, или погибли. Так, часто в Печорский лагерь приезжали немецкие машины и забирали людей на работу на ту сторону Буга, где заправляли немцы. Этих людей заставляли строить укрепления под Винницей и в других местах. После окончания работ их расстреливали.

В моей родне, семье Гулько из местечка Згурицы, Бессарабии было пять взрослых дочерей. Родители Беньюмен и Рейзя умерли в дорогах, когда бессарабских гнали летом 41 года. Четыре дочери с малыми детьми попали в Печору, где почти все остались там лежать... Осталась одна — Лея с сыном Хаимеле и племянник Виктор.

В семье Миши Шнафера, родом из местечка Шпикова, погибли в Печоре все родные, родители братья, сестры.

Отдельные смельчаки решались на побег. Немногим из них он удавался.

В семье Гриндфельд из Могилёв-Подольска

было четверо детей, два сына и две дочери. Летом 42 года их вместе со многими евреями выслали в Печору. Вскоре семья, как и другие, оказалось в очень тяжёлом положении. Опухшие от голода родители слегли. Изо дня в день в лагере ожидался приезд немецких машин, забиравших молодых на работу. Тогда старшая дочь девятнадцатилетняя Маня решается на побег. Дважды её останавливали в дороге пастухи и приводили обратно в лагерь, где её наказывают при всех розгами.
После этого, по одному убегают из Печоры младшая дочь Роза и сыновья Иосиф и Аарон. Ночами они шли в дорогу, а днём прятались в лесах пока добрались до Могилёва.
Вскоре маленькая, худенькая, невзрачная на вид Роза возвращается в Печору и уводит оттуда больных родителей. Сестрёнку Маню она уже не застает, её забрали к немцам.
Шёл январь 1943 года, третий месяц пребывания в Ладыжине. Здесь был нетрудовой лагерь. К тому времени немцы и румыны решили, по-видимому, более интенсивно использовать евреев в Транснистрии и с Ладыжина

начали отправлять людей в трудовые лагеря. Первый этап, куда вошли преимущественно ремесленники, был отправлен в Тульчин. В Ладыжине, на заснеженной скользкой горе нас осталось до пятисот человек. В двадцатых числах января на санях к нам заехали румынские жандармы. Несколько дней шёл густой снег, покрывший гору толстым слоем снега и люди не выходили из бараков. Румыны согнали в большой центральный барак, стоящий в центре около сто человек, среди которых была и наша семья. К вечеру нас усадили в сани и эшелон отправился по неутоптанной ещё снегом дороге. В дороге мы подкреплялись холодной замёрзшей мамалыгой, которую мама сварила ещё утром и завернула в тряпку, когда жандармы нас выгоняли из барака на сборный пункт. Снег не переставал сыпать всю ночь. Сопровождавшие нас в последних санях жандармы останавливали пару раз эшелон, чтобы собрать последнее, что ещё можно было у евреев. Тяжёлые сани не трогались с места после каждой из остановок. Под утро мы приехали в какое-то село, где

нас разместили в пустующие классы сельской школы. Когда утром жандармы нас вывели оттуда, то первым делом увидели вдали замерзшую реку. То был тот же Буг, откуда мы только-что прибыли. Село называлось Семенки и оно находилось по дороге на Браслав, местечко на Буге. Жандармы отвели нас в большую нежилую крестьянскую хату. В невозможной тесноте люди сидели в одной комнате, плотно прижавшись друг к другу, согревая дыханием нетопленное всю зиму помещение. Утром мы еле поднялись с мест. Пришли три немца, велели всем раздеться и сделали нам дезинфекцию. Ежедневно эти три немецких офицера, носившие красную нарукавную повязку с надписью „Org Todt", что говорило об их принадлежности к инженерным войскам, выводили нас на работу, очищать и убирать снег с дороги, посыпать её песком. По этой дороге беспрерывно, днём и ночью шли немецкие машины на фронт. Старшему немцу Иогану было лет за шестьдесят, он кричал, ругался и избивал нас когда мы не понимали его команды, которую он выпаливал скороговоркой. Молодой – Питер, худой высокий, в очках, родом из Голландии писк-ливо кричал, но никого не трогал. Средний по

возрасту - Альфред - относился к нам лояльно.
Вскоре немцы заставили нас оборудовать лагерь в старой пустующей конюшне, стоящей у дороги на краю села. Сначала они разметили длинную конюшню, где что должно находится, двухметровую длину для постелей, и узкие проходы между рядами постелей. Затем они заставили нас вырубить лёд в глубоко промерзшей за зиму земле. Забили колышки, чтобы закрепить доски, отделяющие постели от полуметровых проходов. Крестьянские повозки привезли арбы соломы и постелили её на полупромёрзшую землю. Через дырявую крышу конюшни светилось серое зимнее небо. В середине помещения, поперёк его поставили кирпичную печь, которую сложили мастера. Тепло чувствовалось только у самой печи, которая не могла обогревать такую большую длинную конюшню.
У входа, в углу немцы установили полевую военную кухню. В ней варили для нас жидкую гороховую похлёбку, которую выдавали нам раз в день, утром перед работой. Вдобавок нам давали на неделю буханку замёрзшего хлеба.
Пока мы оборудовали для себя лагерь, немцы расселили нас из пустующей крестьянской

хаты, где мы еле размещались — в несколько близлежащих крестьянских домиках...
Кончался январь 1943 г. Зима в том году была очень снежной и лютой. Ежедневно немцы выводили нас, раздетых, разутых на дорогу чистить, убирать снег, а поздно вечером на обратном пути домой мы срывали торчащий из снега сухой кустарник на топливо, которым женщины варили для своей семьи кушанье. Маме удалось поменять у крестьянки своё пальто на мешочек картошки и впридачу — старую в сплошных разноцветных заплатах ватную куртку на плечи.
В это время в Семенках умерла бабушка Хана, жившая с семьёй своего сына Авраама.
... Бабушка Хана была высокой, худощавой; глубокие морщины делали её лицо суровым, говорило о трудно прожитой жизни.
В молодости она жила в Русаве, селе близ Ямполя в крестьянском домике с соломенной крышей и земляным полом. В селе жили ещё пару еврейских семей, не более.
Рано овдовев, она осталась с пятью сыновьями. В доме было очень бедно, стол нечем было укрыть, но всегда чисто и опрятно.
Всех детей своих она сама вывела в люди,

выучило кого учителем, кого бухгалтером.
Старший сын Шмиел, умный, начитанный парень не хотел мириться с царскими порядками и до революции убежал из России, когда ему было лет семнадцать. Трудными дорогами он долго добирался до Южной Америки и осел в Бразилии.
Из-за запрета в Советской России на переписку, мать так ничего о нём не знала до конца своей жизни. На склоне лет бабушка Хана оставила свою Русаву и переехала к детям в Ямпол. В начале войны три её сына забрали в армию, и она осталась жить в семье четвертого - Авраама. Сколько горя она набралась от психически больной его жены. Началась война и она вместе с семьёй Авраама ушла в лагерь...
На краю села Семенки, недалеко от крестьянского домика, где они жили похоронил Авраам бабушку Хану Маш.
...Прошла неделя и мы закончили строить для себя лагерь. Немцы привезли мотки с колючей проволокой и нас заставили вбить в замерзшую землю колышки и оградить себя ею от внешнего мира. На следующий день всех переселили в лагерь.

Немцы жили в крестьянском домике, что напротив, через дорогу. Днём и ночью нас заставляли чистить дорогу, убирать снег и посыпать песком скользкую дорогу, по которой шли и шли машины с фронта и на фронт. А снег всё сыпал.

В февральское морозное утро из Ладыжина в лагерь прибыло несколько саней с евреями. Из одних жандармы вывалили на снег замёрзшего в дороге человека. Это был старик-парикмахер Хаим-Меир Шлайфер, живший в нашем домике в гетто. Похоронили его недалеко от лагеря, сразу за колючей оградой.

В конце участка дороги, которую мы обрабатывали мы ежедневно встречались с евреями Браславского лагеря, там, где начинался их участок по уборке и чистке снега. Их было примерно человек шестьдесят. Родом они были из разных мест, многие из них из местечек из-за Буга, где немцы к тому времени успели убить всех евреев, и только отдельным удалось спастись бегством на эту сторону Буга. Несмотря на немецкий надзор за нами, мы ухитрялись переговариваться во время работы с браславскими

Они рассказывали, что к ним в лагерь заезжают немецкие машины и забирают детей и больных, которых немцы убивают. Они также рассказывали, что из немцев лагеря есть один, имени которого они не назвали, но лагерники его называют „юденфройнд". Тот часто отдаёт свои завтраки еврейским детям, а однажды даже предупредил о приезде немецких машин за детьми, и многие успели спрятаться.

В один морозный вечер в наш лагерь въехала немецкая машина. Польский еврей Мирошник из Браславского лагеря смог договориться каким-то образом с немцами и вывезти оттуда на их машине троих больных детей к нам в Семенки, где немцы не чинили своих акций. С Мирошником мы встречались на стыке наших участков по дороге. Знали о нём только то, что он был умён, энергичен и что в лагере находится с одной дочуркой, оставшейся от всей семьи.

Когда детей спустили с машины, они были промёрзшие, истощённые, в лохмотьях, из которых не видно было лиц. Одного из этих мальчиков - Мойшеле моя мама долго отогревала тёплым молоком, которое ей

удалось выменять у крестьянки, выкарабкавшись в темноте через колючую проволоку. Мойшале ожил.
Взамен привезенных больных детей немцы пытались забрать с собой людей, ещё способных к труду. В воскресенье, когда снег немного стих нас всех выгнали и построили на большой площади перед лагерем. Немцы долго проходили по рядам и осматривали людей. Вид людей был жуткий: страшно оборванные, ноги завёрнуты тряпками, из которых торчала солома...
Сколько они не смотрели, немцы не смогли выбрать подходящих людей для работы. Это было в день пурим и люди поверили, что чудом мы были спасены в этот день...
В один день с высокой температурой тяжело заболела моя сестра Зина. Черновицкий врач Френкель, бывший вместе с нами в лагере осмотрел её и сказал, что это, вероятно, тиф. Но в лагере нам нельзя было болеть. Больная Зина, еле держась на ногах выходила на работу, пока болезнь сама не отступила. Зине было тогда четырнадцать.
Кончалась долгая, холодная зима 1943 г.

Взошло весеннее солнце, таял снег, кончалась наша работа на дороге. Поползли слухи, что нас всех уничтожат, как это, обычно, делали немцы, когда кончалась работа. Часами мы стояли на солнышке у подветренной стороны нашей конюшни и отогревались за всю зиму. Только один человек не мог подняться и выйти на солнышко. Весь в ранах, заживо гниющий, исхудавший лежал он на мокрой соломе у самых дверей конюшни и жалобным голосом окликал проходящих мимо его людей, протягивал руку... некоторые останавливались и подавали кроху. Имени его я так и не знаю.
Слухи, что наш лагерь уничтожат всё более разрастались. Говорили, что в Браславе убили всех...
Апрельской ночью румынские жандармы подняли лагерь на ноги и повели нас по дороге на Браслав. В конце этапа на повозке везли умирающего человека, который всю зиму лежал у боковых дверей конюшни. Родом он был из румынского городка Дорохой.
Синее небо освещало скованную весенним морозцем дорогу и тянущихся по ней оборванных в лохмотьях людей. Было накануне пейсах. Когда этап, сопровождаемый жандармами,

свернул с Браславской дороги, в толпе раздался вздох облегчения:
- Мы ещё будем жить....
Всю ночь мы шли, делая в пути короткие привалы - засиживаться на холодной земле нельзя было. Рассвело, весеннее солнце взошло и постепенно потеплело. Начали распускаться деревья, оживали поля. Вдруг жандармы остановили этап, человек на повозке умер и надо его похоронить. Когда подошли поближе, то увидели, что человек ещё дышит. Этап двинулся дальше. Он умер в полдень и его похоронили у дороги, возле дерева в зеленеющем бору. Парень из Дорохоя был совсем молодым...
За полдень мы пришли в село Капустяны, на ферму, где застали пригнанных туда раннее евреев. Они работали на полевых работах, а нас почти всех прибывших отправили дальше в глухое село Шарапановку.
В Шарапановке на ферме нас было более ста человек вместе с теми немногочисленными семьями, которых ещё раннее выслали туда из Ладыжина. Мы работали там на полях и в саду. Жили мы на ферме на горе, в двух больших подвальных помещениях, бывших раннее складами

В третий небольшой комнате, примыкавшей к ним размещалась кухня, в которой две женщины из лагеря варили в большом казане на плите гороховый суп. На рассвете еврейские старшины нас поднимали получать свою миску похлёбки. Мы быстро её съедали, когда ещё было затемно вместе с плавающими в ней червями, и бригадиры-украинцы повели нас в поле. Работали мы с зари до позднего вечера, кто на полях, кто в саду, кто пас коров. Спали мы на полу в бараках семья возле семьи в тесноте. Изголовьем служили вязанки дров, которые мы собирали по дороге с работы. Этими же дровами женщины готовили пищу для своей семьи поздно вечером после работы. Опять варили горох забранный нами в пазуху во время работы. Для варева женщины разводили маленькие костры в неглубоких ямках в долине у лагеря.

Вскоре, в начале лета в лагере разразилась эпидемия тифа. Люди очень быстро заразились друг от друга и слегли. Местное население боялось распространения эпидемии по селу и управляющий

лагерем устроил для больных изолятор в двух небольших комнатах бывшей бани фермы, находившейся недалеко от бараков. Помещение было полуразрушенное. Привезли туда соломы, настелили на цементный пол и положили на неё больных. Каждый день из бараков в изолятор переносили или за руки переводили свежих больных. Было тесно, больных становилось всё больше, и мы лежали плотно друг возле друга на влажной соломе... высочайшая температура, тяжёлый бред, никакой помощи. Наша мама отказалась выходить на работу, перешла в изолятор и легла между Зиной и мною, чтобы как-то поддержать нашу жизнь, спасти. Каждый раз она давала попить немного воды, прикладывала к горящим головам компрессы с водой.
Утро. Мама встала и побежала купить, выменять у крестьянки немного молока для нас затем разожгла в долине, в ямке небольшой огонь и поставила что-то сварить. Управляющий издали увидел, наехал бричкой и затоптал, потушил огонь, побил её батогом и погнал на работу. Это мне приснилось, или бред в моей горящей голове.

Все эти тяжелые годы наша мама делала всё, чтобы спасти своих детей, не думала ни о ком больше. Что теперь будет?..
Она поймала себя на мысли, что с тех пор как она рассталась в начале войны, в Дзыговке со своим Шлоймой, когда его забрали в армию, она о нём всё это время не вспоминала. Дети, опасность — заслонили всё и всех.
В изоляторе на мокрой соломе, где мы, больные, лежали, тяжелые дни чередовались долгими-долгими ещё более тяжелыми ночами. В пустой, казалось, разросшейся до огромных размеров голове, всё вокруг проваливалось в бездну. Мама, не смыкая глаз, лежала посредине нас и старалась вырвать из рук смерти... Перед её глазами прошла вся её нелегкая, но красивая жизнь с самым дорогим ей на свете человеком...

Поженились они с Шлоймой в 1919 году. Ночью была стрельба. Власть переходила из руки в руки. Петлюровцы заходили в Ямполь ненадолго, но успевали за это время убивать евреев. Времена были тяжёлые. Городок

занимали то большевики, то всякие банды.
Невозможно вспомнить, когда же это были спокойные времена. То в 14 году началась мировая война, а то в 17 году - революция, а год спустя Румыния захватила соседнюю Бессарабию и Днестр разделил немало семей, живущих по разную стороны реки. Одна из сестёр оказалась там, вышла замуж за парня из Згуриц. Ещё пару лет люди, стремившиеся бежать из России переправлялись тёмными ночами через Днестр. Тайные переправщики перевозили беженцев через быструю реку на утхлых лодках. Не всем удалось добраться до противоположного берега, переправщики местные украинцы топили некоторых в тёмных водах реки, а их имущество забирали себе.
Шлойма и она родились и росли в Ямполе, но как будто увидела его впервые, когда тот уже взрослым парнем вернулся домой из Одессы в начале первой мировой войны. Он был добр и умён, строен, красив, с чёрными как смоль, вьющимися волосами.
В доме родителей Шлоймы было восемь детей; из сыновей он был старшим. Отец его, Айзик был столяром, человеком болезненным по натуре, зарабатывал мало. Матери, Тубе

приходилось печь бублички и продавать на базаре. Маленький Шлоймеле в залатанных штанишках бегал в хедер, учился очень усердно, и его лучший в местечке ребе Нахман Пейси кирес, как его звали, не мог нахвалиться умной головкой Шлоймеле. Тогда его родители, отказав себе во многом, отослали его пароходом в Могилёв-Подольск в ешиву, и одним едоком в доме стало меньше. В ешиве Шлоймеле учился с большим старанием. Это то, что он любил и стремился всей своей душой и чутким сердцем. Но мечта стать равином так и не сбылась... Время отсчитывало первое десятилетие двадцатого века. По России разносились ветры революций и войн... К её просторам, большим и малым городам — доносились веяния еврейского светского просвещения из далекой Германии.
Шлойме уже пятнадцать лет. В доме дяди, где он живет, куча едоков, и надо зарабатывать на жизнь; он уходит к портному Мордхеле Браверману и нанимается учеником. Мордхеле, как его звали в Могилёве, человек знающий толк в торе, добрый по натуре, невысокого роста, всегда при жилете, носит подстриженную клином бородку, гово

рит мягким картавым голосом. Ему - лет пятьдесят. В портняжной мастерской кроме хозяина Мордхеле и его сына работали два наёмных работника и ученик Шлоймеле. Он работал и жил в этой семье, где тесно переплетались еврейские религиозные традиции и светское просвещение того времени. Став мастером он прощается с гостеприимным интеллигентным семейством и уезжает работать в Одессу

Вскоре, однако, он должен вернуться домой в Ямполь, началась первая мировая война. Ему - двадцать и чтоб не итти на войну солдатом он повреждает себе правый глаз, как это делали в то время многие молодые люди.

... После свадьбы они сняли комнатку в доме Фишла Гробмана. Комнатка была обособленной и выходила в небольшой садик. Фишл меламед - высокий благородный старик с длинной белой бородой и тихим-тихим сиплым от своей профессии голосом, - остался после революции почти без учеников. Сура, его жена, невысокого роста старушка с опущенным длинным носом всегда хлопотала по их опрятному до блеска дому.

Их дети все ученые, умные, давно уехали в далекий мир. На комоде - фотография

семьи Мехла, старшего сына, которая живёт в Харбине. Он там занимается бизнесом. Лейзер выучился в Петербурге на врача. В одно время по Ямпольно поползли слухи, что Лейзеру пришлось отступить от своей веры, чтобы стать доктором. В доме ещё осталась Соня, - младшая их дочь. Она фармацевт и собирается вскоре уехать в Винницу на работу

... Шлойме вначале очень мало зарабатывал, но жили они красиво, читали вместе, ходили в еврейский театр ... ни одного вечера не пропускали когда приезжала труппа Сегалеску. Настоящая семейная гармония, которой позавидовали бы короли, наступила с рождением после пяти лет мучительного ожидания - первенца сына. Им удалось купить недорогой домик. Домик не был ахти какой, но застеклённые его двери смотрели с высоких ступенек - на базар. Шлойме заказал жестяную вывеску с нарисованными большими ножницами - и в дом потянулись заказчики. Каждое воскресенье их было полно в передней, единственной в доме светлой комнате, где стояла швейная машина. Зимой, после этого долго стояли там запахи

пропитанной морозом крестьянской одежды, кислого хлеба, лука и чеснока.
Отношения с крестьянами-заказчиками были добрые уважительные и не раз, бывало, крестьянки оставались на часок поговорить о своих бедах с Шлёмчихой, как они её обычно называли.
Наступили двадцатые годы. В местечке у людей конфисковали магазинчики, мельницы, маленькие фабрики и другое.
У Гедали Тубиса забрали пароходик, курсирующий по Днестру. Бывшим частникам приходилось побыстрее убраться из Ямполя, убегать в другие места. Там они скрывались, мытарствовали, многие просто пропали.
Всех ремесленников — портных сапожников, жестянщиков, парикмахеров собирали в артели. Шлойме, как и все, сдал свою машину в артель и стал там работать.
А что творилось в сёлах. Всех крестьян собирали в колхозы, забрали у них землю. Всех богатых кулаков и не пожелавших идти в колхоз — высылали в дальние края. Куда делся Олейник из села Слобода-Подлесовка и другие Шлоймины заказчики. Приходила Олейничка с двумя детьми, оплакивая свою судьбу.

... Весна 1933 года. Голод. По немощенным улицам местечка весело журчали весенние ручьи, а на тротуарах кругом лежали опухшие от голода люди ... сколько умерло.
Ремесленники, правда, не голодали. В артели за работу платили гроши, на которые нельзя прожить, но все подрабатывали тайком дома.
Ночью, когда все спали, Шлойма, бывало, вставал, садился в тёмной кухне у керосиновой лампы за домашнюю машину, крутил ногами колесо до утра, тихо напевая себе песенку, а утром идёт в артель на работу.
Заканчивать работу, всю ручную работу и глажку приходится делать самой, и ещё занести неоконченную работу к соседям так чтоб никто не видел. Если не убережешь, фининспектор придёт на обыск, найдёт — оштрафует и конфискует домашнее добро.
Как-то ночью стучали в дверь. Доко возилась, пока им открыла, успела вынести кое-что к соседям. Но нашли всё же кое-что.
Шлойме, бледный от страха, узнал проверяющего. Это же Арке Браверман, с которым они вместе работали у отца Арке - Мордхе в Могилёве. Что ни говорил Шлойме, как не просился, Арке не узнавал его

Забрали из дому настенные часы и кое-что ещё; больше нечего было взять.

А что за времена были, "золотых ночей". Людей забирали из дому, держали под арестом и трусили до тех пор, пока те не сдадут своё золото, было ли или не было его у них. Однажды ночью стучали в дверь к брату Шлоймы – Мойше-Мейеру. Сделали обыск и ничего не нашли, успел припрятать, закопать у себя во дворе немного золота имевшегося у него с царских времён. Забрали они Мойше-Мейера с собой, допрашивали по ночам, пытали; но он ничего не сказал, как-то чудом выкрутился. Другие не выдерживали, признавались и сдавали всё до ниточки и не за что им было купить кусок хлеба. А кто имел немного золота боялся его показывать.

За чёрным хлебом люди стояли с ночи в очереди. Не всем ещё хватало буханка хлеба.

Шли тридцатые годы; власти воевали против религии. На столбах вывешивали большие плакаты с карикатурами на раввина и попа, закрывали синагоги и церкви, учителя еврейской школы водили учеников на пейсах в кино, чтоб не сидели за праздничным столом на сэдэре. Но нистрах

ни гонения, ни агитация не оторвали большинство евреев от веры, тайно соблюдали религиозные обычаи и учили этому своих детей. Когда сыну исполнилось тринадцать лет Шлойме нанял ему ребе, старого Нахмана, подготовить его к бармицве. Учил он с ним не дома; А в день бармицвы они пошли в единственно не закрытую в 36 году синагогу и сын наложил тефилин и его вызвали к чтению торы Так делали и другие его соученики. Если бы об этом узнали в школе, то были бы неприятности. Как-то директор Фойзман встретил Шлойму и спросил, правда ли что Герш был в синагоге на барми́цве, Шлойме с улыбкой ответил, что трудно поверить этому и отделался лёгким испугом.

Некоторым глубоко религиозным или бывшим заключённым досталась нелёгкая судьба. Шлойме Кессельбренер, невысокого роста, бородатый еврей, должен был убежать из Ямполя, чтоб не быть репрессирован. Осталась в бедности семья — жена сын и дочь. Несколько лет где-то скитался Шлойме по другим городам. Так и пропал на чужбине, не вернулся домой

Не могли и не хотели мириться с такой жизнь

кантор и Сойфер Герш Вайнштейн с женой Рейзл. Герш хазен, как его звали в Ямполе был человеком за пятьдесят, среднего роста с красивой, посеребрённой бородой и ясными добрыми глазами. Носил он чёрный сюртюк и шляпу
Рейзл — благочестивая тихая женщина, всегда с доброй улыбкой на приветливом лице.
Детей у них небыло и уже в зрелые годы они усыновили парня по имени Дувидл. Он стал фотографом и жил в Москве.
В домике Герша и Рейзл, со стеклянным балконом стоящем на высоких ступеньках пахло чистотой. Евреи местечка приходили к ним за советом и помощью, их беспредельно любили. Но жить так дальше не — возможно — синагоги закрыты, все торы и молитвенники вывезли на свалку, кошерного мяса нет... Тогда Герш поехал в Москву на прием к Калинину, пал перед ним на колени и просил разрешения уехать в Эрэц-Исроэл. К счастью тот разрешил.
Весь городок пошёл прощаться с ними Шлойме тоже пошёл и подарил, как и другие, немного денег на дорогу. Дорога на пароходе из Одессы на Яффо была трудной. Чтобы соблюдать кашрут, они ели

самую что возможно скромную пищу — кусочек хлеба, яйцо... В Яффо их красиво встречали и Гершла тут же назначили президентом одной из религиозных общин. После их отъезда Ямполь как бы опустел. Герше хазен и Рейзл, как праведники избежали горькой участи, постигшей нас в войну.

Нет, не было у нас спокойных времён. Разве можно забыть 1937 год. Никто не был уверен тогда, что его не посадят, стоило только донести что-то на человека. Шлойме был в постоянном страхе, как бы не узнали, что он в молодые годы вместе с Пиней Куперманом и другими молодыми был сионистом. Сначала садили одних, потом - их же доносчиков. Забрали евреев Боруха Лахтера, поляков - музыкантов Меловенских, учителя Хворостовского. Однажды ночью в Могилёв-Подольске увели из дому Доню Гольдман, учительницу, бывшую ямпольчанку. За что? Доня знала хорошо румынский язык и её часто вызывали на пограничную заставу в качестве переводчицы на допросы перебежчиков из Румынии. Больше она не вернулась к своей семье, мужу и дочерям. Так было со всеми, кого садили в те годы.

Власти устраивали на городской площади митинги, на которых клеймили позором врагов народа и славили за бдительность наркома Ежова; а вскоре и его расстреляли как врага народа. Среди выступающих с речами был маленький ростом, еле видный из-за трибуны восьмидесятилетний учитель еврейской школы Юсим. Были же такие выскочки среди нашего брата, а ещё похуже, доносчики; правда единицы.

И всё же, несмотря на все беды, евреи восприняли советскую власть с радостью, так как беды для всех, не только евреев, были одинаковы. Они не боялись больше погромов, открылись еврейские школы, их дети учились в высших учебных заведениях, читали еврейские книги, показывали о жизни евреев кино и театр. А сколько было веселья, пели красивые песни. Верили советской власти. Казалось, можно было жить, но в воздухе уже пахло войной.

Настало тревожное лето 1940 года. Короткими июньскими ночами, пропитанными сладковатым запахом цветущей акации, по улицам Ямполя гудели танки, проходили войска. Советский Союз предъявил ультиматум Румынии. Но войны не было. Румыния отдала Бессара-

бию и Северную Буковину без боя.
Вскоре в гости из Москвы приехал самый младший брат Шлоймы, звали его Герцл, молодой, интересный человек, ему было лет за тридцать. В середине двадцатых годов он вместе со своими сверстниками уезжает в Одессу, где учился в еврейском литературном институте. Позже он переезжает в Москву и некоторое время работает в редакции газеты „Дер Эмэс". Не добившись больших успехов переходит на более подходящую работу, чтоб заработать на жизнь.
...В пятницу вечером, за накрытым праздничным столом, где догорали субботние свечи, компетентный в политике Герцл живущий в самой столице, рассказывал тихо, что вскоре ожидается война, и что Россия вернёт все земли, захваченные ею у соседей...

В Шарапановке рассветало. Вместе с первыми лучами бледного света, поползшего через щели дверей и забитых досками окон по грязным стенам и потолку изолятора, вместе с прохладным утренним воздухом, прошедшим по влажным телам мечущихся

в беспамятстве больных, — сверху из лагеря из лагеря доносился шум и гам людей, которые получали свой суп с червями на кухне, и хриплый голос еврейского помощника — Фройки Гольденфарба, поднимающего людей ежедневно на работу.
В это время в передней комнате изолятора ямпольская женщина тихо оплакивала своего мужа — Потю Брайника, умершего от тифа этой ночью.
Прошёл кризис и больные начали постепенно выздоравливать. Выздоравливающие на четвереньках выползали из тёмного сырого изолятора и, придерживаясь у стен, пошатываясь и опираясь на палку, учились помалу ходить. В лагере у кого-то нашлась машинка, всех постригли наголо, потом пропустили через старый поломанный душ.
Переболели тифом большинство молодых и почти все выздоровели, кроме троих — Поти Брайника, и черновицких — Реттера бывшим также старшиной над евреями и медсестра, которую просто называли „ди швестер".
Ещё не успели мы подняться на ноги, ходили державшись за стену, управляющий Сулятецкий вызвал больных к себе и велел

выйти на работу, иначе нас всех вышлют в Печору. Ничего не осталось делать, как опираясь на палку выйти в поле.
Настало жаркое лето. Люди тяжело работали, но смогли сорвать в поле и покушать в поле свежей зелени. Изнурённые болезнью и тяжёлым трудом мы переедали зелённого гороха. Это сказалось и люди начали болеть желудками. Распространилась дизентерия. За несколько дней болезнь истощала людей, они ходили, как тени, пошатываясь, падали и умирали. Умерли Янкель Габа, наша дальная родственница Хайка, оставившая двух круглых сирот - мальчика Янкеле и девочку Пэсале. Умерла бабушка Фейга Калман. и др. Умерших хоронили далеко от лагеря, за полем, на опушке леса, у железной дороги.
В самый разгар лета разнеслись слухи, что немцы забирают сейчас из румынских лагерей евреев на работу. Из соседнего села Капустяны забрали много семей, среди которых была и ямпольская семья - Гевентер - мать, отец и сын. Это семья была вместе с нами в Семенках в прошлую зиму, когда немцы заставили нас чистить снег

Среди многих других, которых забрали из Капустян, семья Гевентер - мать, отец и сын, были убиты.

В одно воскресное утро в наш лагерь приехали на нескольких подводах румынские жандармы и забрали с собой человек тридцать - способных ещё трудиться. В одной семье забрали мать, в другой - сына или дочь. Люди плакали, прощались навсегда.

В нашей семье забрали меня, в семье Маш забрали мать, - еще молодую здоровую женщину, оставившую в лагере двух дочек - старшую - Соню пятнадцати лет с пятилетней Нюсей, заболевшей дизентерией.

День за днём Соня выхаживала больную. За последние гроши она покупала у крестьян кусочек хлеба и кормила Нюсю, которая уже и кушать не могла. Чудом Нюся выздоровела.

... Жандармы усадили нас, всех отобранных на работу, на повозки и увезли. Под вечер мы приехали на окраину городка Тульчин - Нестерварку, где нас закрыли в пустующей школе, что напротив церкви, и продержали до утра, а утром за нами пришли немцы

С зари до зари мы должны были работать

строить укрытия для самолётов из пластов дёрна. Этот дёрн мы нарезали пластами у реки, внизу и возили наверх на площадку, впрягшись в тяжёлые армейские повозки, а некоторые подталкивали их сзади. Кушать ничего не давали. Спали мы под навесом у кирпичного завода, где сушились кирпичи. Иногда удавалось сорвать что-то съедобное на поле, мимо которого нас водили на работу.
Мне повезло; в первый же день я встретился с младшим братом отца - Мойше-Мейером. Его тоже загнали сюда, только из другого лагеря. У него было немного денег с собой, и он мог купить немного еды у крестьян и делиться со мной.
Так прошёл месяц. Мы закончили строить укрытия и, о чудо! нас вернули живыми откуда нас взяли, в Шарапановку.
Кончалось лето и люди допоздна работали на поле, убирали колосья и молотили зерно. Когда на исходе дня жандармы нас привели, родные не поверили своим глазам что мы вернулись. От радости они плакали и обнимали нас, благодарили Бога.
Чем дальше наша жизнь в невыносимых условиях

лагеря становилась труднее, невыносимее, особенно для старых. Люди были до краю истощённые, замученные, грязные и оборванные.
В углу нашего барака задыхался, умирал Ешуа Дараховский, высокий старик с узкой жидкой бородой. Все четыре сына Ешуа были на войне, в лагерь он ушёл с невесткой и двумя внуками. Невестка попросила мужчин вынести его на улицу, чтобы ему легче было дышать. С трудом четыре человека подняли Ешуа с глубокого подвала на улицу. Там он и умер.
По бараку разносились безумные крики больной Суры, не дающие никому покоя. Тут же дрались отец с непослушным сыном.
Как это всё вынести?
И всё же люди боролись за жизнь как только могли, старались не пасть духом. У старухи Хайки Ялонецкой отказали ноги. Несмотря на это она ежедневно выползала по ступенькам из барака, из глубокого подвала на улицу, чтобы дышать, ползком двигаться и она выжила.
Вместе со своей невесткой Элькой и двумя внуками — Золей и Сёмой в соседнем бараке жил семидесятипятилетний Мойше Крупник высокий широкоплечий старик с пожелтевшими от курева бородой и усами. Не так давно

ещё он в гетто в Ямполе бегал с вечно торчащей из бороды и усов цыгаркой и разносил неизвестно откуда почерпнутые им слухи, о поражении немцев и скором возвращении „красных", что обнадёживало людей. Здесь в Шарапановке он совсем одряхлел, был, как все, голодным, грязным, завшивленным. Но духом он не пал. Более всего он страдал от того, что его любимой невестке и внукам нечего кушать. Однажды утром Мойше встал и сказал невестке, что уходит в Бершадь, там, говорят, можно найти еду и тогда придёт за ней и за детьми. Мойше ушёл, но не вернулся, в Бершади он умер.

Лето на исходе. Приближаются еврейские новогодние праздники. Вечер накануне Йом-кипур. В нашем бараке мужчины собирались иногда по вечерам на молитву. В этот вечер эрев Йом-кипур на высоком окошке барака, выходящем на уровне земли на улицу, горит фитилёк, зажжёный в выдолбленной картошке, залитой подсолнечным маслом. Люди молятся в середине барака, где между двумя колоннами, есть небольшая свободная от сплошных постелей площадка. Впереди всех, как бы стоя перед амвоном молится

Хаим Мордкович, как его звали в Ямполе, бывшего до войны продавцом в магазине
Он зарос и оборван. Он немного пошатывается в такт молитвы. В его немного скрипучем голосе, полном грусти, в словах молитвы, которую он произносит быстро, но чётко чеканя каждое слово, звучит жалоба на нашу тяжёлую судьбу, просьба перед Всевышним о прощении, помиловании, крик о помощи, великая надежда на спасение. Это магическое слово - спасение - Ешуа не сходило с уст евреев в гетто и лагерях Транснистрии все эти тяжелые годы.
На следующий день - в йом-кипур люди убирали и молотили хлеб на поле, и постили. Даже злой бригадир украинец Московчук, видя как люди за весь день не берут в рот ни зёрнышка, ни глотка воды, отнёсся к ним с уважением, не подгоняя их, как обычно, окриком.
Наступила осень. Начались дожди и холода. Кончились полевые работы и мы остались без еды. Утром суп нам больше не выдавали, а купить или выменять у крестьян что-либо покушать уже было не на что. Всё давно кончилось. Одежда и обувь наша давным-давно порвалась, износилась, одеты мы были в рваных мешковинах, ноги обмотаны старыми

тряпками, а кто ходил по снегу босиком. Люди с трудом собирали затвердевшую шелуху картошки и варили её, не имея крохи соли, чтоб её посолить. В опустевших после уборки хлеба полях одиноко стояли громадные скирды соломы, у крестьянских домиков выстроились и сушились маленькие скирдочки из желтых стеблей и листьев кукурудзы, а из дымоходов в прохладном воздухе легко поднимался дымок, как бы напоминая нам, бездомным, что в мире существует сытый тёплый уголок только не для нас.

Однажды из Ямполя, ставший при румынах уездным городом Транснистрии, к нам в Шарапановку приехать проверять лагерь доктор Белоногий, тот самый, который в первые дни прихода немцев одел повязку на руку с красной свастикой. До войны его часто приглашали к больным в еврейские дома. Бывал он и в нашем доме. После визита доктор любил посидеть, поговорить с моими родителями, которых он особенно уважал. А с началом войны Белоногий ни с кем из евреев знаться не хотел.

По приезду Белоногий спустился к нам в барак; и даже дал мне белую рубашку.

Мама тут же выменяла у управляющего Сулятецкого на картошку и две мешковины, из которых сшила себе одежду. Старая моя одежда, тоже из мешковины, была изорванной и насквозь прогнившей от ран, покрывших мои ноги до верху.

С отъездом из Шаргородовки доктора Белоного в лагере ничего не изменилось, осталась та же грязь, голод и болезни. Но его приезд говорил о том, что обстановка на войне изменилась и что местные власти подумывали о возврате Советов. Сам управляющий Сулятецкий, ни разу за целый год нашего пребывания не бывавший в бараках, в один день не побоялся грязи и спустился к нам вниз. Сулятецкий, высокий, полный с большим животом и негнущейся спиной, бывший в начале войны лейтенантом Красной Армии, раньше говорил с евреями только окриком и нагайкой.

Пришла зима 1944 года, последняя зима. Голод нас гнал в село и мы выходили в лохмотьях, которые не грели, многие босиком по снегу к крестьянским домикам, чтобы заработать или выпросить кусочек хлеба. Однажды маленький, рыженький паренёк из Бессарабии

Сёма принес в барак два больших макуха из подсолничка, которые крестьянин дал ему за работу. Он разламал макухи на куски, и накормил им не только своих родителей и сестрёнку, но но и многих в бараке. Какая это была радость-покушать.
Пятнадцилетняя Соня Мам зарабатывала еду для своей семьи - матери и маленькой сестрички Нюси вышиванием крестьянских сорочек. Работая без канвы она должна была сильно напрягать свои глаза и они у неё были постоянно красными.
Нужда заставила и я объявился в селе портным. Но мои познания в ремесле были мизерными; чему можно было научиться в мастерской в гетто распаривая шинели. Было у меня немало хлопот пока изготовил какую-то вещь. Мои невзыскательные, добрые заказчики села находили, что я шью хорошо и платили мне едой и теплом. После рабочего дня, когда я уходил из их теплых домов в холодный голодный барак крестьянки ещё давали для матери и сестры горшок горячей картошку, завёрнутый в тряпку, чтоб еда по дороге не остыла на морозе. Несколько раз я проносил мешочки с пшеном. Мама подарила это пшено двум больным опухшим

от голода сёстрам - Роське и Хейвед, лежащим недалеко от нас в бараке.
Кто не умел зарабатывать, ходил в село выпросить у крестьян кусочек хлеба. Люди стояли у калиток плетённых из хвороста заборов, пока хозяйка не вынесет голодным попрошайкам кусок хлеба.
Крестьяне Шарапановки с большим сочувствием относились к находящимся там евреям; в селе не было украинских полицаев, как это было в других местах. Так, в одном из сёл, недалеко отсюда, в это же время украинский полицай зверски убил молодую женщину Женю Голгер за попытку к бегству домой, в Ямполь к своему маленькому ребёнку, которого она оставила там во время высылки евреев осенью 42 года.
В морозный зимний день в нашем бараке умер Хаим-Идл, тот самый, которого румыны оставили одного в живых во время расстрела более пятидесяти евреев у Днестра в первые дни войны. Он один похоронил всех убитых.
Когда-то столяр Хаим-Идл был очень здоровым и крупным человеком, поэтому он, возможно, более других страдал от голода. Как-то, накануне, он еле выполз в своих лохмотьях по ступенькам из барака в село и по дороге нашёл большую замёрзшую рыбину, поел и

и сю отравился, умер. Из-за больших морозов, невозможно было копать могилу и Хаим-Цаля лежал три дня и три ночи у самих дверей и люди, чтобы выйти или зайти переступали через его труп.
Мы ничего не знали, что творится на войне, но по всему видно было, что немцы отступают и фронт приближается. Одной февральской морозной ночью, рассказывали, партизаны открыли конюшню фермы, стоящую недалеко от лагеря, и увели несколько лошадей.
Люди видели кое-где на дорогах одиночные военные повозки с отступающими немцами, захватившими с собой у крестьян провизию - живых курей и свиней.
Одной ночью в начале марта в наш барак ворвался немецкий солдат. В поисках своей жертвы он шарил по рядам лежащих на полу людей. Все лежали, затаив дыханье. Мама быстро припрятала сестру под изголовье, которым нам служила вязанка дров. Солдат всё шарил, пока не нашёл одинокую Лею и изнасиловал её. Он говорил по русски, вероятно из перешедших на сторону немцев.
Боясь расправы немцев с лагерем перед отступлением, многие евреи убежали в село

Крестьяне приняли нас гостеприимно. Маму и сестру взяла к себе Калына, для которой я шил зимой одежду. Калына подала им миску тёплой воды помыть замёрзшие от снега грязные ноги и усадила на теплую печь. Я пробыл день в доме её сестры Фросиньи.
На следующий день - 15 марта 44 года Красная Армия вошла в Шарапановку и мы были освобождены.
Слава Богу, мы среди выживших.
А сколько людей не дожили до этого счастливого дня. Лишь теперь мы почувствовали в полной мере всю тяжесть и горечь пережитого и казалось, на минуту, что нет более сил возвращаться домой, к новой жизни.

Не было предела нашему счастью, когда мы изнуренные, замученные, но полные надежд на будущее возвращались к своим домам. Из Шарапановки мы шли лесом на Вапнярку, узловую железнодорожную станцию. Лес оживал после зимней спячки и обдавал нас запахами и красками, которых мы давно-давно не чувствовали. Вместе с продвигающимися на запад войсками мы ехали в Ямполь на открытых

площадках узкопалейки. Солдаты и офицеры смотрели на нас, оборванных, запуганных и всё не верили, как это мы выжили. Они прошли длинный путь от самого Сталинграда и нигде не видели живого еврея.
Мы приехали в опустевшее холодное местечко, к голым стенам своих домов.
Ещё долго сказывались последствия лагеря, многие люди тяжело болели. Через год умерла от туберкулёза горла Элька Волошина, бывшая моя соученица; всю последнюю зиму в лагере она проходила босиком.
Пару лет спустя заболела мама, сказалось всё пережитое. Тяжёлый полиартрит приковал её к постели на долгие годы — до конца жизни.
Многие стали инвалидами.
Война кончилась и потянулись трудные, голодные беспросветные годы. С большим трудом люди зарабатывали на хлеб, а затем надо было часами выстоять в очереди, чтобы купить эту буханку хлеба.
Отец вернулся с войны и стал, как и прежде работать в артели портным. Заработу платили очень мало и, чтобы кое-как хватало на жизнь, надо было дома ночью потайно шить. Он вставал среди ночи,

и садился за швейную машину в дальней тёмной кухне, освещённой керосиновой лампой. Он не напевал более своих красивых еврейских напевов, как это бывало до войны. Затаив дыхание он крутил колесо машины в вечном страхе перед фининспектором. Однажды, в конце года, таки засекли его за работой дома и обложили большим налогом за весь год.

Вечный страх, лишения и голод, тяжёлый труд - вот что ожидало после войны многих ремесленников, да и не только их, и не только в нашем местечке, но по всей стране.

Прошедшая война оставила глубокий след всех народов России и, особенно, в жизни евреев. Естественной реакцией на пережитое было запомнить, запечатлеть сражения и битвы, тяжёлый труд, страдания и смерти миллионов людей на фронтах и в госпиталях, в далёком тылу, в лагерях и гетто. В Советском Союзе уделяется исключительное внимание памяти о войне и победе над Германией. Этому делу служит искусство и литература, печать, кино, радио и телевидение; сооружены громадные памятники и монументы.

Во время войны и сразу после неё в произведениях еврейских и некоторых нееврейских советских писателей и поэтов рассказывалось об участии евреев наряду со всеми народами Союза в борьбе с заклятым врагом, о страданиях и жертвах, выпавших на долю нашего народа в войну. Это нашло отражение в рассказах Давида Бергельсона, поэзии и прозе Переца Маркиша, поэзии Давида Гофштейна и др.

В романе „Непокорённые" писатель Борис Горбатов описывает наряду со страданиями украинского народа, - картину расправы немцев с евреями в одном из городков на Донбассе. Главный герой Тарас поклоняется своим землякам-евреям, которых немцы уводят на расстрел, словами:

- Вам и мукам вашим.

По роману вскоре после войны был поставлен фильм.

В стихотворении военных лет „Народ Еврейский" украинский поэт Павло Тычина воспевает величие духа еврейского народа в тяжкий для народа час.

Но это длилось недолго. Коммунистическая партия, государство пресекали тенденцию в правдивом изображении исторической правды о прошлой войне

что касается евреев. Всякие попытки восстановить правду об этом, рассматривался как еврейский национализм и сионизм.
За это людей преследовали, арестовывали.
Известна судьба Еврейского Антифашистского комитета во главе с Михоэлсом и писателей, поэтов, расстрелянных 12 августа 1952 г.
При Украинской Академии Наук работала секция еврейской литературы и фольклора. Наряду с литературой они также занимались сбором материалов о судьбе евреев во время войны. Будучи в Киеве в конце 1945 г. проездом из армии, я присутствовал на одном из заседаний секции. Присутствовали там видные киевские писатели и поэты.
Среди других сообщений было также выступление актрисы бывшего до войны детского кукольного театра Дины Проничевой.
Она рассказывала, как в конце сентября 41 года немцы вели по Киеву, на окраину к Бабьему Яру десятки тысяч евреев, женщин с детьми, стариков, среди которых была и она ... как немцы расстреливали и как она чудом спаслась, упавши в яму, притворившись убитой, и как она потом, поздно ночью выбралась из ямы и

убежала к своим детям, которых сумела заранее отправить к своим родным по мужу-украинцам.
Этот рассказ впоследствии вошёл в роман Кузнецова „Бабий Яр"
После заседания секции я поделился со своими воспоминаниями о гетто и лагерях Транснистрии с литератором Лернером, проводившим это заседании и пообещал ему написать об этом подробно. Прошло много лет пока я смог своё обещание выполнить.
После 1948 года секция еврейской литературы и фольклора была закрыта, а её сотрудники, в том числе и Лернер были арестованы. Лернер отсидел несколько лет в тюрьме и после освобождения вскоре умер.
В Советском Союзе многие годы не занимаются сбором материалов, их публикацией о борьбе, страданиях и гибели сотен тысяч евреев России, Украины, Белоруссии, в том числе и края Транснистрии во время войны и людям в тех краях ничего неизвестно об этом. А ведь только в Транснистрии находилось около четверти миллиона евреев, из которых только одна треть выжила. В Одессе самом крупном городе

Транснистрии, по историческим данным немцы и румыны убили во второй половине октября 41 года, когда они заняли город — 26 тысяч евреев!
По рассказам свидетелей одесситов, румыны согнали потом немногих оставшихся в живых евреев в гетто, находившееся в бывших до войны складских помещениях.
Потом, всех подняли и выслали в лагеря в сёла Демяновка, Берёзовка и Варваровка, где тысячи падали от тяжелого труда и голода. Среди погубленных в Одессе были мои близкие родные — мамина сестра, тётя Эстер-Фейга, её дочь Шейва и мальчик четырёх лет — Соломончик.
Масса украинцев в Одессе, — дворники, соседи помогали немцам и румынам в их чёрных делах, грабили, выдавали евреев немцам. Были и порядочные люди. Мне известен один такой случай с еврейской девушкой из Ямполя — Фейги Лернер, учившейся там до войны в фармацевтическом институте и спасённой украинской семьей в Одессе
Евреи, находившиеся во время войны под Николаевым, в тех же лагерях, куда были

высланы оставшиеся в живых одесситы и другие скитальцы Транснистрии, рассказывали, что немцы заставляли строить мост через Южный Буг. Голодные, измученные они часами таскали брёвна в холодной воде, падали от изнеможения. Немцы их поднимали палками. Люди были ещё под страхом, что после окончания работ их всех убьют, как это обычно делали немцы с евреями. Когда же несколько ребят лагеря в селе Турбевке симулировали нетрудоспособность, повредив себе правую ладонь руки с тем, чтоб немцы вернули их на румынскую сторону Буга, где было немного спокойнее, — немцы повесили одиннадцать ребят. Об этом мне рассказал Михел из кибуца Гиват в Израиле, и он показал мне свою руку с рубцами.

В России государство тратит громадные средства на сооружение памятников героям и жертвам прошлой войны. Но не евреям.

В 1974 году я побывал в Саласпилсе, городке под Ригой, где на месте бывшего лагеря смерти построен большой мемориал, за который создатели были удостоены государственной премии. Этот бывший концлагерь был построен для евреев и военно-

пленных русских солдат при активном участии латышей-националистов, активно сотрудничающих с немцами.
...На громадной площади высятся громадные, символические фигуры борцов и жертв. С большой теплотой и любовью выполнены и музей лагеря, находящийся в наклонном шлагбауме, метроном и дорога смерти, и вышка немецкой охраны, где в свое время стояли солдаты с пулемётами. В музее — на стенах фотографии руководителей готовившегося восстания — Фельдмана и других. Невозможно без дрожи пройти мимо оранжереи цветов в память о том месте, где когда-то стоял детский барак, где умерло несколько тысяч детей.
Известно, что большинство обитателей лагеря были евреи, которых немцы депортировали из Прибалтики, а также впоследствии из многих стран Европы. Почти все они там погибли. Но на стендах, в надписях нигде пишется, что это были евреи.
Сразу после войны ямпольские евреи на собранные им деньги перенесли останки убитых в начале войны пятидесяти евреев

на кладбище и установили памятник на братской могиле. Также поступили евреи Томашполя, где немцы расстреляли до ста евреев, и некоторых других местечек Транснистрии. В Черновцах же потребовалось более двадцати лет и немало мытарств и стараний еврейских активистов города, чтобы получить разрешение властей установить плиту на братской могиле убитых более трёхсот евреев города в начале войны.

До сих пор нет достойных памятников в местах массового уничтожения евреев немцами и их пособниками — в Румболо-под Ригой, у тракторного завода в Харькове, в Одессе, во многих гетто и лагерях Транснистрии.

Замалчивание правды и искажение истории об участии евреев в период второй мировой войны было только началом, частью новой послевоенной политики по отношению к евреям, выражающейся во всяческом их подавлении, вытеснении из сфер духовной, идеологической и руководящей жизни общества, а далее и к физическому уничтожению деятелей литературы, искусства...

Для того, чтобы убить душу народа, его национальное самосознание, в него можно

не стереть. Надо отнять у народа память, его прошлое, историю.
Эта политика по отношению к евреям усилилась с годами после 1948 года, когда образовалось государство Израиль.

Где бы я ни жил после войны – в Киеве, Уфе, Черновцах, я много раз и в радости и в горе возвращался в Ямполь, родной свой городок, в отчий дом.
Сколько раз я приезжал туда я видел строящийся, растущий вширь и вверх городок, но его еврейская часть всё больше сжималась становилась всё меньше и меньше, еврейские домики становились всё ниже, а его улочки всё больше зарастали бурьяном.
Многие семьи не вернулись после войны в Ямполь, вся молодёжь поуезжала учиться в большие города; люди среднего возраста устремились оттуда в Черновцы, Одессу и другие места, где была работа и перспектива для детей; старое поколение постепенно уходило из жизни.
Хотя новые люди после войны приезжали в Ямполь, но таких было мало, и они там долго не задерживались.
Еврейский городок пустел, умирал, как все

еврейские местечки и городки Украины, Молдавии, Белоруссии — всей России.
Будучи там в начале восьмидесятых годов мы не досчитали до двухсот евреев. А ведь до войны там жило около двух тысяч, а в начале века — около трёх тысяч, почти половина населения городка.
Никакой еврейской культуры, религиозных традиций там нет, да и потребности в этом у оставшихся там, — нет
Последний раз мы приехали с женой в Ямполь 30 марта 1981 г. прощаться с могилами родителей перед отъездом из Союза.
Мы среди тех многих евреев, которые покидают эту страну, ради настоящего и будущего детей.
... Последний раз мы проезжали мимо давно закрытой еврейской школы, в которой я когда учился, мимо отшумевшего в полдень базара...
Пешком мы поднялись на гору, к развилке дорог, повернули по дороге направо и пришли на кладбище, единственном месте, где стоит печать еврейства.
День клонился к концу и заходящее солнце освещало верхушки стоящих камней памятников. Среди всех высится памятник 50 убиенным
Через несколько недель мы на границе Росии—

в Чопе. Поздно вечером наша очередь на досмотр багажа. Таможенники переворачивают вверх дном наши чемоданы, рассматривают внимательно наши руки, немного ли золота на кольцах, у кого они есть, взвешивают. Не пропустили еврейскую книгу московского издания „Семья Машбер" Дер Нистер, которую я взял в дорогу читать, и недорогую гитару сына. Жаловаться некому. Таможенницы берут подозрительную женщину на досмотр.
Наконец-то нас пропускают через пограничный контрольный пост, делают отметки на наших визах и выводят в просторную комнату, где мы наспех сбрасываем наши вещи из разворошенных чемоданов в мешки, захваченные нами из дому. Наш поезд на подходе и не остается времени сложить вещи в чемоданы. Пограничники с автоматами на плечах выводят нас на посадку. И это невольно напомнило мне те далекие времена, когда румынские жандармы нас вели в лагеря, когда они гнали толпу вниз, к Бугу и ворошились в наших мешках.
Поздней ночью мы пересекали границу России, покидали страну, где мы познали угнетение и унижение. Мы освобождены. Как и много лет

тому назад, в далёком 1944г., в глухом, забитом селе Транснистрии — Шарапановке, нас озарила свобода, и мы кто как мог благодарили Бога за то, что мы среди тех, кто дожил до ~~этого~~ дня.
Это было в весеннюю пасхальную ночь и я думал и думаю о великом освобождении еврейского народа, об исходе из Египта, о единстве и преемственности судьбы нашего народа, такого на первый взгляд разного, разобщённого, неизвестно сколько лет ещё разбросанного по всему миру.
Тогда, в те далёкие времена евреи шли из Египта за своим великим вождём Мойсеем одним путём, через пустыню, трудности, противоречия — к заветной цели. И хотя они теряли немало на своём пути, они обрели самое большое — они стали народом, нацией, обрели навечно и для всего мира Великий Закон - Тору, сохранившая им жизнь в веках, обрели свою страну.
Нам, евреям покинувшим Россию, не нужно завоёвывать страну. Земля наша — Израиль, обретенный народом большой кровью — перед нами. Он нас зовёт и ждёт наша земля. Только теперь у нас есть выбор, есть

много путей — Америка, Канада, Австралия или беспокойный Израиль. И мы выбирася, особенно в последние годы не в пользу Израиля

Правилен ли наш выбор? Что обретём мы? Не заблудится ли наше молодое поколение в нововзвенной пустыне, полной людей и идей. Осознают ли наши дети и внуки, что только на своей земле, более чем где-либо, еврейский народ может рассчитывать на полноценную жизнь, на безопасность. Поймут ли, что Израиль нужен нам не в меньшей мере чем Израилю нужны наша энергия, ум и силы.

Наконец, пробудится ли в сердцах еврейского народа после стольких лет изгнания, чувство щемящей тоски по своей, единственной в мире Земле, где воздух прозрачней, небо выше и звёзды горят ярче, где тебя обдаёт теплом родного дома, по своей родине — Израилю.

USHMM LIBRARY
01 0001 0129 4618